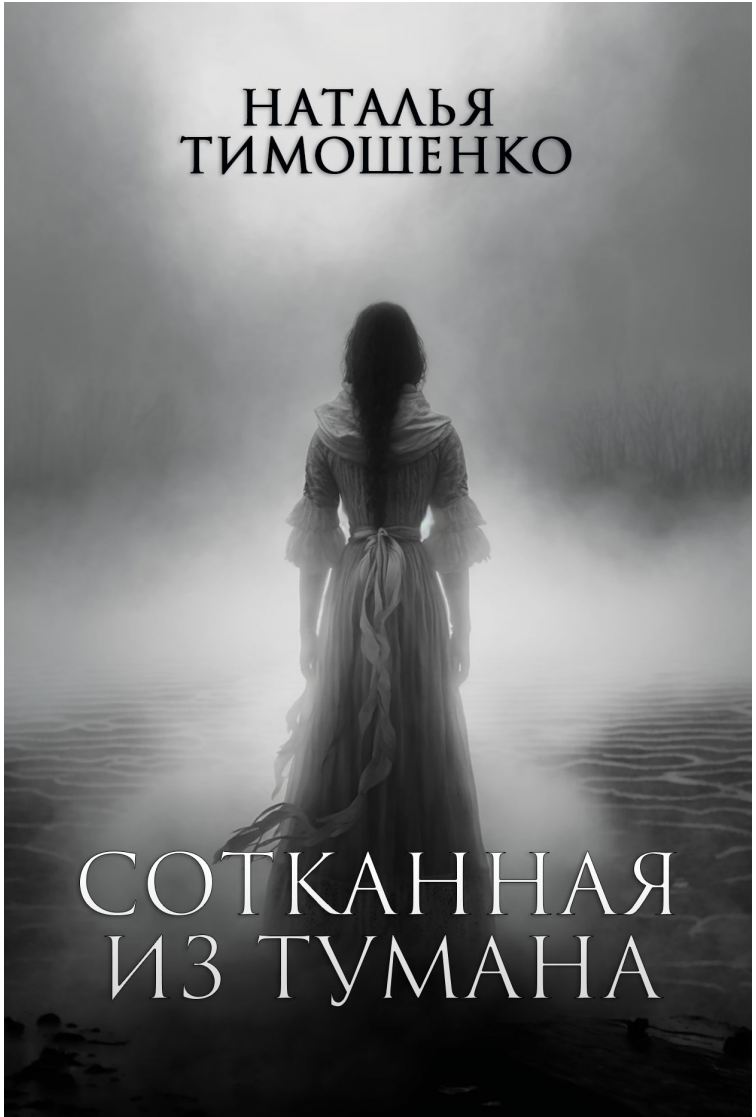
НАТАЛЬЯ
ТИМОШЕНКО



СОТКАННАЯ ИЗ ТУМАНА

Наталья Васильевна Тимошенко

Сотканная из тумана

Серия «Секретное досье. Новые страницы (Исследования необъяснимого)», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42018909

Аннотация

Войтех Дворжак и его команда основали Институт исследований необъяснимого. Теперь они рассматривают заявки всех, кто столкнулся с явлениями, несомненно имеющими мистическую природу. На этот раз друзьям предстоит выяснить, что за сущность поселилась в далекой глухой деревне. Но как обнаружить то, что появляется ночами под покровом тумана и убивает, практически не оставляя следов?

Ранее издавалась в соавторстве с Леной Обуховой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Наталья Тимошенко
Сотканная из тумана

© Тимошенко Н., текст, 2019

Пролог

15 сентября 2015 года
Санкт-Петербург

Квартира находилась в большом старом доме и выходила окнами на реку, названия которой Войтех не помнил. Эти три параллельные речушки – одна из которых вроде бы считалась каналом – казались ему абсолютно одинаковыми. Войтех родился и вырос в Чехии, в двадцать пять переехал в Москву и прожил в ней десять лет, а в Санкт-Петербург перебрался всего пару месяцев назад, поэтому считал, что имеет право чего-то не знать и не во всем разбираться.

Жили в этой квартире две девушки-студентки лет двадцати, не более. Обе встретили мужчин на пороге, испуганно держась друг за дружку.

– Добрый день, мы сотрудники Института исследований необъяснимого, меня зовут Войтех, это Иван, – первым представился Войтех, кивнув на сопровождавшего его высокого блондина Ваню Сидорова. – Рассказывайте, что у вас произошло.

Девушки, казалось, испугались еще сильнее, хотя сами прислали в Институт целых две заявки. От которых, кстати, Войтех не чувствовал ничего странного, но Иван так настаивал на посещении этой квартиры, что ему пришлось согласиться.

– Кажется, у нас поселился полтергейст, – шепотом произнесла одна из студенток, представившаяся Алиной, когда мужчины вошли в квартиру и закрыли за собой дверь.

– Кажется или поселился? – широко улыбнулся Ваня.

От Войтеха не укрылось, как он молодецки повел плечами, явно красуясь перед девушками. Можно подумать, они до этого от него глаза отводили. Ваня никогда не упускал случая произвести впечатление на барышень. Даже если они на тринадцать лет его младше.

– У нас иногда загораются вещи, – продолжила Алина, проводя их в комнату, где, по ее словам, все и происходило. – Ни с того ни с сего. То книги, то тетради.

– То даже просто обои на стене, – добавила ее подруга. – Вот здесь.

Она указала на небольшой столик у одной из стен. Сейчас он был пуст, но обои возле него действительно выглядели обугленными. Пока Ваня осматривал почерневшее место, Войтех быстро прошелся по комнате. Она была большой, с высокими потолками, старой мебелью и огромным окном. Девушки не стали занавешивать его, а потому вся комната была залита еще довольно теплым сентябрьским солнцем.

– Этот полтергейст еще как-нибудь себя проявляет? – спросил Войтех, медленно стягивая с правой руки перчатку.

Девушки переглянулись и качнули головами.

– Иногда по ночам как будто стучит что-то, вещи сами собой меняют местоположение. Но самое страшное – это под-

жоги. Летом было проще, каникулы, а теперь мы даже на лекции ходим по очереди, чтобы дома всегда кто-то был. А то еще пожар начнется.

– А какая-то система у поджогов есть? – задал вопрос Ваня, закончив с обследованием стены. – Когда чаще? Утром, вечером?

Студентки снова переглянулись.

– Утром, кажется, – неуверенно произнесла Алина. – Вечером не помню.

– Вечером не было ни разу, – подтвердила ее подруга.

Ваня тоже прошелся по комнате, рассматривая обстановку, а затем приблизился к Войтеху.

– Чувствуешь здесь что-нибудь? – шепотом спросил он.

– Абсолютно ничего, – заверил тот. – И даже видений нет.

Ваня кивнул, как будто этого и ожидал, затем подошел к окну, потрогал руками стоящие в хрустальной вазе уже подсохшие цветы.

– Ой, смотрите, смотрите! – внезапно взвизгнула Алина, указывая рукой на стену.

Мужчины повернулись к ней: на стене, рядом с почерневшими обоями, светилось яркое пятно, радужно переливаясь по краям. От обоев действительно шел едва заметный дымок, и они уже начали обугливаться. Войтех первым оказался у стены и поднес к ней незащищенную перчаткой руку, но еще до того, как коснулся ее, ощутил жар. Он оглянулся на Ваню. Тот кивнул и усмехнулся.

– Эта ваза всегда стоит тут? – спросил он у ошарашенных девушек.

Те даже не сразу поняли, о чем он.

– Да, – наконец кивнула Алина. – Это ваза моей бабушки. Досталась мне вместе с квартирой. Мы нашли ее в кладовке, когда Настя переехала ко мне и мы искали место для ее вещей. Она показалась нам красивой, и мы поставили ее на подоконник. А что?

– Как давно?

– Ну… – Алина задумалась. – Настя переехала ко мне в конце мая, значит, где-то тогда и нашли.

– И полтергейст начал проявляться тогда же?

– Вы думаете, полтергейст привязан к вазе? – испуганно спросила Настя. Было видно, что ваза ей уже не очень нравится.

– Уверен, – хмыкнул Ваня. – Напомните, вы на кого учитесь?

– Мы лингвисты, – отозвалась Алина, все еще ничего не понимая.

– То есть с физикой не очень дружите?

– Иван, хватит, – оборвал коллегу Войтех, хотя сам с трудом сдерживал улыбку. – Просто расскажи им, в чем дело.

Ваня демонстративно вздохнул, взял вазу в руки и отошел от окна. Обои тотчас перестали гореть.

– Дело в том, мои дорогие лингвисты, что ваша ваза – своего рода линза. И когда солнечный свет попадает на нее, она

фокусирует его на стене или на столе – в зависимости от угла падения. Солнце же не движется по небу одинаково изо дня в день. Направленный поток света и воспламеняет книги, тетради, обои и все, на чем сходится. Пони-маете?

Девушки медленно кивнули.

– Мы в детстве так дедушкиными очками бумагу поджигали, – произнесла Алина.

– Вот именно, – улыбнулся Ваня. – Так что расслабьтесь, никакого полтергейста у вас нет. Вазу только нужно с подоконника убрать.

– А как же скрипы и перемещения предметов? – не сдавалась Настя.

– Вы когда-нибудь видели, как они перемещаются? – поинтересовался Войтех.

– Нет. Просто иногда я точно знаю, что положила что-то в определенное место, а потом его там нет.

– Вы живете вдвоем, вполне возможно, что-то автоматически перекладываете друг за другом, но это не запоминается. А скрипы – дом старый, здесь какие угодно звуки могут быть. Это нормально.

Девушки наконец расслабленно заулыбались.

– Спасибо вам! – горячо поблагодарила Алина. – Может быть, выпьете с нами чая? Мы пирог вкусный испекли.

– Спасибо, у нас еще много работы, – первым отказался Войтех, за что и поплатился, едва они с Ваней вышли из квартиры студенток.

– Совести у тебя нет, – буркнул тот. – Мало того, что дело – скучная пустышка, так еще и пожрать не дал в компании молодых и красивых хозяек!

– Совести у меня нет, – невозмутимо кивнул Войтех. – Я думал, ты это давно уже понял.

Ваня недобро посмотрел на него и продолжил канючить:

– Когда ты меня звал в эту организацию, говорил, что будет интересно. А у нас интересных дел одно на сотню.

– Во-первых, я тебя не звал, – педантично поправил Войтех, спускаясь по широким ступенькам. – Ты сам пришел. И тогда, когда я собирал команду любителей, и теперь, когда мы стали официальной организацией. А во-вторых, кто тебе говорил, что всегда будут интересные дела?

– Но раньше-то всегда были.

– Я вас просто звал на интересные. Пустышки отсеивал сам. И да, их было девяносто девять процентов.

Ваня тяжело вздохнул, поправил на плече сумку с приборами для исследования, которые так и не пригодились, и тоже шагнул на лестницу.

– Что у нас дальше?

– Дальше ты встречаешься с Невом, и вы вдвоем едете на Полюстровский проспект, проверять заявку какой-то старушки о том, что ее якобы изводит соседка-ведьма.

– Полюстровский проспект, – недовольно повторил Ваня. – Кто такие названия придумывает-то?

Войтех ничего не ответил, но был с ним согласен. Новые

названия давались ему с трудом. Чего только стоит название улицы, где располагается Институт исследований необъяснимого – Ораниенбаумская! Этот город все еще оставался для него чужим, хоть и был родным для его девушки. Новая организация отнимала много сил и времени, работа еще не была окончательно налажена. Заявки чаще всего оказывались пустышками, а то и вовсе намеренной мистификацией.

Однако, несмотря ни на что, вот уже несколько месяцев подряд Войтех, на удивление, был счастлив.

Глава 1

16 августа 2015 года
Пермский край

Летняя ночь в деревне наступает поздно. Даже в середине августа, когда солнце клонится к закату много раньше, чем месяц назад, до девяти вечера жители по домам не расходятся. Пока еще светло, нужно управиться со скотиной, убедиться, что все сараи и курятники заперты. Близость леса накладывает свой отпечаток: звери иногда забредают в деревню полакомиться курятиной или крольчатиной. В самые голодные годы не спасают даже собаки, а порой и сами становятся жертвой оголодавшего волка.

Илья Пантелеевич Горбушкин еще раз обошел двор, убедился, что и хлев, и крольчатник тщательно заперты. Оглянулся воровато по сторонам, проверив, не видит ли его внук, и шагнул к курятнику. Запирать последний было обязанностью шестнадцатилетнего Алешки, гостившего у него все лето, но тот порой забывал это сделать, а на деда обижался, когда Илья Пантелеевич перепроверял за ним. Вот и сейчас длинная палка, которая клалась в специальные крюки по обе стороны двери и таким образом не давала распахнуть ее никому, кроме человека, стояла в углу. Илья Пантелеевич покачал головой, тщательно запер курятник и направился к дому.

– Кажись, гроза собирается, а, Пантелеич? – окликнул его сосед Степан.

Илья Пантелеевич остановился, посмотрел на небо, которое с запада действительно затягивала черная туча: большая, густая, она плотной тканью ложилась на верхушки деревьев, цепляясь за них и как будто немного застревая. Двигалась медленно, может, дойдет, а может, и зависнет над рекой, подумает немного, да и развернется обратно. Такое бывало часто. Деревня стояла в низине, с трех сторон окруженная лесом, а с четвертой – необычайно широкой в этом месте Камой, за которой тоже, насколько видно глазу, простирался лес, а потому климат в ней был свой, особенный, не сравнимый даже с ближайшими поселениями.

– Кажись, – на всякий случай кивнул Илья Пантелеевич, подходя ближе к забору, разделяющему два участка.

Спорить со Степаном всегда было затеей глупой. Тот только и ждал повода доказать собеседнику свою правоту, порой меняя мнение по ходу разговора, если вдруг оппонент начинал с ним соглашаться. Степан сидел на пороге своего дома, зажав между пальцами папиросу, и то и дело выпускал в воздух струю сизого дыма, который вопреки законам природы не поднимался вверх, а зависал перед самым его лицом.

– Может, еще и пронесет, – тут же отозвался Степан, поняв, что спорить с ним сосед не намерен.

– Может, – снова согласился Илья Пантелеевич. – А ты чего здесь сидишь?

– Да сейчас папиросу выкурю и пойду. Завтра рано на базар собираюсь. Медку немного собралось, продать надо.

Илья Пантелеевич понимающе кивнул. Раньше пасеки в деревне держали несколько человек, меду всегда было много, за ним даже из Краснокамска приезжали, а то и из самой Перми. А теперь из пчеловодов только Степан и остался. Ради пары литров меда никто не приедет, приходится ему самому возить. Да и деревни самой почти не осталось. Недавно на собрании считали, всего восемнадцать домов жилых, и в тех кое-где всего по одному человеку.

Илья Пантелеевич махнул рукой своим мыслям, попрощался со Степаном и направился к дому.

Алешка смотрел телевизор. Из комнаты доносились звуки ревущих машин и залпы выстрелов, из чего Илья Пантелеевич сделал вывод, что показывают какой-то боевик. Боевики внуку нравились. Самому Илье Пантелеевичу было все равно что смотреть, по большей части он не поспевал за действием современных сериалов и фильмов, путался в героях, поэтому смотрел ради картинки. В свои семьдесят два года он чувствовал себя достаточно молодым: читал книги, разгадывал кроссворды в газете, которую раз в неделю привозили в деревню, любил поиграть в домино или карты со старым другом Матвеем Гавриловичем, только кинематограф не понимал. Нынче создатели фильмов не дают зрителю времени обдумать и разложить по полочкам сюжет.

Алешка был младшим сыном дочки Тамары, пятый внук

из шести, жил в Перми, но каждые каникулы проводил в Дубках. Внук болел астмой, поэтому только здесь, вдали от цивилизации, в деревне, затерянной среди могучего леса, мог нормально дышать. Даже лекарствами не пользовался. Другие внуки приезжали не часто, без «интырнета» своего прожить не могли ни дня, а Алешка с детства больше всего уважал книги, ему пожить в Дубках было за счастье. Была бы школа нормальная, совсем переехал бы, а так какое образование тут получишь? Нет, школа в Дубках есть, да на всю ее два учителя и шесть учеников. Из тех, кому податься некуда. Когда-то все не так было, конечно. И домов много, и учеников, да сколько лет с тех пор прошло.

Илья Пантелеевич снова махнул рукой мыслям.

– Что показывают? – поинтересовался он, входя в комнату к внуку.

Тот лежал на диване, щелкал большие тыквенные семечки и с удовольствием таращился в телевизор.

– «Грань будущего», – отозвался Алешка, повернув голову к деду, но глазами стараясь следить за происходящим на экране. – Садись, посмотришь. Тут про чувака, который каждый раз умирает и снова возвращается в тот день, когда умер. Должен что-то изменить, но пока не знает как. Типа «Дня сурка».

Илья Пантелеевич кивнул, хотя ничего не понял. На экране сражались даже не люди, а какие-то роботы, темная картинка, которую с трудом различали близорукие глаза, меня-

лась так стремительно, что быстро разболелась голова. Илья Пантелеевич посмотрел ровно полторы минуты, а затем потрепал внука по волосам и сказал:

– Пойду я спать, Алешка. Ты тоже долго не сиди, завтра надо бы пораньше встать, чтобы до обеда еще сено привезти. Над рекой уже подсохло, пойдут дожди – сгниет.

Алешка кивнул, тронул деда за руку и продолжил смотреть кино.

Гроза ночью действительно разразилась. Да только не такая, как всегда, а странная, необычная, пугающая. Илья Пантелеевич проснулся от сильного воя, как будто прямо за его окном выла собачья стая. Алешка уже сидел на кровати, непонимающе оглядываясь по сторонам. За окном было совсем темно, только изредка вспыхивали молнии, разрезая черное небо пополам, и тут же гасли. Дождь еще не начался.

– Деда, что это? – испуганно спросил Алешка, увидев, что Илья Пантелеевич тоже поднял голову с подушки. – Воет что-то.

Теперь, когда мозг окончательно проснулся, Илья Пантелеевич понял, что ничего подобного не слышал в своей жизни. Он не был охотником, но прожил в этих местах все семьдесят два года, зверей знал неплохо. Никто из них таких звуков издавать не мог.

Илья Пантелеевич встал с кровати и осторожно приблизился к окну, отодвинул занавеску. Над лесом ярким заревом полыхало небо, но грома слышно не было. Либо гроза еще

находилась далеко, либо раскаты тонули в непрерывном вое.

Сильный стук в дверь заставил вздрогнуть и деда, и внука.

– Пантелеич! – тут же послышался взволнованный голос соседа Степана. – Пантелеич, проснись!

– Да чтоб тебя! – выдохнул сквозь зубы Илья Пантелеевич и поторопился в сени.

Степан стоял на пороге, в штанах и рубахе, но босой.

– Чего тебе не спится? – ругнулся на него Илья Пантелеевич. – Грозы не видел?

– Иди сам посмотри!

Степан взволнованно указывал в сторону дороги, и в зареве очередной молнии Илья Пантелеевич увидел, что на главной площади деревни собралась уже добрая половина соседей: и мужчины, и женщины, и даже дети. Не говоря больше ни слова, старик, как был босой, спустился с порога и тоже поторопился к калитке. Алешка по пятам следовал за ним. Лишь дойдя до площади, Илья Пантелеевич понял, что так напугало Степана. С этого места хорошо просматривалась почти вся деревня, и теперь стало видно, что с юга на нее надвигалось нечто страшное. Черное небо упало на деревья, укрыло землю жутким покрывалом. В каждой вспышке молнии было видно, как раскачиваются верхушки деревьев, подчиняясь не ветру, а чему-то другому, могучему, невидимому.

Соседи с тревогой смотрели в сторону леса. Мужчины нервно курили, женщины о чем-то шептались, периодиче-

ски крестясь. Только старуха Аксинья стояла чуть в стороне, перебирая скрюченными пальцами четки, с которыми никогда не расставалась, и шептала что-то вроде «Погибель, погибель нам всем».

Кто-то из соседей услышал этот шепот и тревожно спросил:

– Что это? Ураган?

Второй подхватил это слово, и вскоре уже все соседи кричали, что на деревню надвигается ураган и скоро сровняет ее с землей. Илье Пантелеевичу пришлось вспомнить, что он староста, и прикрикнуть на разошедшихся соседей.

– Тихо вы! – несмотря на возраст, голос его еще оставался мощным, а потому все разом затихли. – Расходитесь по домам. Там всяко безопаснее, чем на улице. Ураганов таких, чтобы деревню с землей сровнять, в наших краях отродясь не было, и сейчас выстоим. К окнам не подходите только, выбьет ненароком.

Соседи неторопливо, словно нехотя потянулись к своим домам, периодически оглядываясь. Взгляд Ильи Пантелеевича задержался на старухе Аксинье. В прошлом году ей исполнилось девяносто восемь лет, жила она одна. Замуж в свое время не вышла, ни детей, ни внуков не нажила, а потому и хата ее давно прохудилась. В другую, пустующую, она переезжать отказывалась, утверждая, что в какой родилась, в такой и помрет. Деревенские мужики собирались в этом году, уладив все дела, хоть крышу ей починить, да пока не

успели. Ее дом вряд ли выдержит натиск бури.

– Любаша, – окликнул Илья Пантелеевич дородную женщину лет сорока, которая заведовала в Дубках библиотекой. – Возьми Аксинью к себе до утра. К себе бы взял, да Алешка в гостях.

Любаша кивнула, подхватила уже слабо осознающую жизнь Аксинью под руку и повела в сторону своего дома. Вернулись к себе и Илья Пантелеевич с Алешкой, сели каждый на свою кровать, но спать так и не легли. Оба смотрели в окно, хоть близко подходить и не рисковали. На улице выло, шумело, скрипело, но дождь так и не начался, да и звуки не приближались к деревне, так и оставаясь где-то далеко, в лесу.

– Деда, а если дом не выдержит? – испуганно спросил Алешка.

– В погреб залезем, – успокоил его Илья Пантелеевич. – В тот, где баба Катя варенье зимой хранила.

Алешка кивнул, посмотрев в сторону кухни. В доме Ильи Пантелеевича еще при его постройке запасливая жена, тогда еще совсем молодая Катюша, предложила устроить погреб. В тех, что все делали на улице, картошку на зиму приходилось чем-то накрывать, и то порой она мерзла, а в доме можно было хранить и так. Туда же ставились позже банки с вареньем, огурцами, помидорами и прочими запасами. Теперь в нем Илья Пантелеевич ничего не хранил, поскольку уже не мог спускаться и взбираться в него так ловко, как раньше. В

случае чего ураган переждать там будет в самый раз.

Однако этого не потребовалось. Ветер и вой затихли так же внезапно, как и начались. Лес тоже замер, не шумели больше деревья, молнии не озаряли небо. На улице наступила та самая мертвая тишина, которая обычно окутывает мир после непогоды. Алешка уснул быстро, а Илья Пантелеевич продолжал прислушиваться к происходящему за окном. Никто из жителей не обратил внимания на то, что ветер дул с запада, со стороны реки, а потому звуки из леса не могли доноситься так явно. Да и если бы ветер пригнал тучу, которую они со Степаном видели вечером, она прошла бы над деревней, не могла не зацепить ее дождем.

Это было что-то другое, но что, Илья Пантелеевич не знал.

* * *

Утро принесло неожиданные известия. Илья Пантелеевич встал рано, практически с первыми петухами, чтобы успеть выдоить корову и отвести ее за дом, где простиралась небольшая лужайка, а затем приготовить Алешке завтрак. Удушающей жары в августе уже не бывает, поэтому можно не торопиться до нее уладить все дела на улице, но дед обещал внуку сходить с ним на рыбалку, а еще следовало привезти сено. Да и сложно избавиться от многолетней привычки вставать рано даже при отсутствии огромного хозяйства,

какое вели когда-то.

Сполоснув ведро чистой водой, Илья Пантелеевич направился было к хлеву, откуда, заслышав хозяина, подавала голос Ласточка, но внезапно остановился. С этого места ему хорошо было видно опушку леса и человека на ней. В общем-то ничего странного в этом не было бы, если бы не начало седьмого утра. В такое время все жители деревни управлялись с хозяйством, в лес шли позже. Даже по осени, когда лес наполнялся грибами и нужно было успеть обойти все урожайные места до того, как это сделает кто-то из соседей. Кроме того, человек что-то держал в руках и, как казалось Илье Пантелеевичу, странно пошатывался, будто пьяный. В последнем он не был уверен, поскольку зрение в его возрасте уже частенько подводило, а доить корову в очках он привычки не имел.

Илья Пантелеевич поставил ведро на землю и направился к дороге, чтобы рассмотреть поближе. Степан, в это время как раз грузивший мед в большой рюкзак болотно-зеленого цвета, сначала поздоровался, а затем, заметив странное поведение соседа, насторожился.

– Ты чего это, Пантелеич? – спросил он.

Илья Пантелеевич указал вперед.

– Там стоит кто-то.

Степан тоже посмотрел в сторону леса, но его зрение смолоду не отличалось остротой. Он увидел лишь размытую фигуру.

– Андрей-охотник, должно быть, – неуверенно предположил он. – Вчера еще на охоту ушел.

Мужчины вдвоем направились к лесу и, подойдя ближе, убедились, что это действительно Андрей-охотник, молодой еще человек, всего чуть за сорок. Только вместо добычи он держал на руках бездыханную собаку. Сам он выглядел растерянным, как будто не понимал, где находится.

– Алена! – крикнул Степан жене, которая тоже появилась на пороге. – Сюда иди! Кажись, Андрюхе плохо.

Тот, увидев приближающихся к нему соседей, опустился на колени, выронил из рук собаку и упал рядом. Тут уже вся деревня, потревоженная внезапным известием, побежала к лесу. Голосила и жена Андрея, зачем-то таща за руку младшего ребенка, трехлетнего Антошку.

Илья Пантелеевич приблизился к Андрею первым, оттолкнул собаку, чтобы не мешалась, и перевернул его лицом вверх. Глаза молодого соседа были закрыты, а грудь вздымалась, что выдавало наличие жизни в мощном теле охотника. Шапка только слетела с головы, обнажив полностью седые волосы.

– Ох ты, господи! – перекрестилась Степанова Алена.

Илья Пантелеевич и сам удивился: еще вчера он видел Андрея в местном магазине, и в волосах его только начинала серебриться седина, как и полагается человеку, которому едва перевалило за сорок. Илья Пантелеевич поспешно надел шапку обратно, чтобы не увидела раньше времени жена да

тоже не хлопнулась в обморок рядом.

На счастье, раньше Ларисы подоспел Матвей Гаврилович, местный доктор. Чудной был человек, никогда не расставался с медицинским чемоданчиком, хотя помощь соседям требовалась редко, да и тогда они приходили к нему домой. Илья Пантелеевич дружил с доктором, прощал ему мелкие чудачества, а вот другие за спиной посмеивались, но так, по-доброму. Доктора в глухой деревне уважали. Однако сейчас чемоданчик оказался как нельзя кстати. Матвей Гаврилович вытащил оттуда какую-то бутылочку, открутил крышечку да сунул ее под нос Андрею. Тот резко дернулся, махнул рукой и открыл глаза.

– Вот так, вот так, – приговаривал Матвей Гаврилович, помогая больному сесть.

Тут же вихрем налетела на них Лариса, потеряв где-то по дороге ребенка. Степан вовремя удержал ее, а то сшибла бы Андрея.

– Тише, тише ты, дурная баба! – прикрикнул он на нее.

Андрей посмотрел на нее странным взглядом, как будто не узнал сначала, а затем выдавил слабую улыбку.

– Спокойно, Лара, все в порядке, – хрипло проговорил он, а затем беспокойно огляделся. – Где Джек?

Илья Пантелеевич сделал шаг в сторону, чтобы прикрыть собой бездыханное тело собаки, но Андрей то ли успел увидеть, то ли и так вспомнил, что произошло с псом. Он шумно выдохнул, прикрыл лицо широкой ладонью, скользнул ею

вниз, сжал подбородок на мгновение и встряхнул рукой, как будто прогоняя морок.

– Что случилось? – спросил кто-то из набежавших соседей, но Матвей Гаврилович тут же поднял руку.

– Вопросы потом. Дайте я сначала осмотрю его. Алеша, помоги.

Алешка и молодой Сергей, сын библиотекарши Любаши, тут же подхватили Андрея под руки и помогли ему подняться. Илья Пантелеевич понимал желание доктора осмотреть Андрея: вся рубаха на груди того была перепачкана кровью. Староста успел заметить, что шея несчастного Джека разодрана диким зверем, а потому считал, это кровь собаки, но убедиться, что Андрей не ранен, все же следовало. Попросив Алену увести домой жену Андрея, Илья Пантелеевич последовал за делегацией, направившейся к дому доктора.

– Джека заберите, – просил Андрей, полуобернувшись к оставшимся соседям.

– Заберут, дядя Андрей, не волнуйтесь, – заверил его Сергей.

Доктор убежал вперед, и когда Алеша и Сергей довели охотника до его дома, уже успел накрыть чистой простыней кушетку, где всегда осматривал больных.

– Сюда, сюда кладите, – велел он, раскладывая на столике инструменты. – А теперь идите, сам осмотрю, – добавил он, когда молодые люди уложили больного. – На пороге постойте, вдруг понадобитесь.

Андрей к тому моменту снова впал в беспамятство, как будто путь от опушки леса до дома доктора отнял последние силы. Матвей Гаврилович первым делом расстегнул рубашку, убедился, что никаких серьезных ран на его груди нет. Кровь и вправду была собачьей.

– Помоги, Илья, – попросил доктор, приподнимая больного.

Матвей Гаврилович был младше своего друга всего на четыре года, а потому один из немногих называл его по имени. Илья Пантелеевич помог поднять Андрея, но и на спине не обнаружилось никаких ран. Матвей Гаврилович влил в рот больному какую-то остро пахнущую жидкость, и тот закашлялся, снова пришел в себя.

– Джек, Джек, где Джек? – бормотал он.

– Все хорошо, все хорошо, – успокаивал доктор. – Андрей, что произошло?

Тот с опаской обернулся по сторонам, как будто все еще ожидал нападения: Илья Пантелеевич не сомневался в том, что на охотника и его собаку напал кто-то из диких зверей.

– Джек взял след зайца, – наконец тихо заговорил больной. – Побежал, я за ним… Потерял его… сначала просто искал, а потом начал звать… – Голос Андрея внезапно оборвался, он замер, глядя в пустоту перед собой, и продолжил еще тише, но гораздо взволнованней: – Потом услышал его лай, громкий, заливистый. А вокруг меня уже ползет туман… Ну, думаю, поймал добычу, шельма! Побежал туда.

Но внезапно Джек страшно взвыл, а потом поднялся ветер. Сбил меня с ног… И она потянула ко мне… руки, страшные, кривые… пальцы холодные, зубы острые. Повалила меня на спину, глаза красные. Рычит, слюна капает прямо мне на лицо. – Больной брезгливо поморщился. – А я слышу: Джек рядом скулит. И встать не могу. Туман вокруг такой, что рук не видно. А она все ближе и ближе, вот-вот вцепится мне в горло. Я закричал и отпихнул ее! – Андрей внезапно оттолкнул от себя руку доктора. Чашка, которую тот держал в руке, взлетела вверх, несколько раз перевернулась в воздухе, расплескивая содержимое, и упала на пол. – А потом ничего не помню.

Илья Пантелеевич помог больному улечься. Тот еще что-то бормотал, но теперь это были лишь отдельные слова, из которых можно было уловить лишь то, что кто-то гладил Андрея по лицу, и тонкие пальцы были холодными. Он говорил то «оно», то «она», и было непонятно, о чем речь.

Матвей Гаврилович принес из другой части дома одеяло и укрыл им Андрея.

– Пусть поспит у меня, – прокомментировал он.

Илья Пантелеевич кивнул. Дома у Андрея была голосистая Ларка да пятеро детей мал мала меньше, там уж не до отдыха.

– Что думаешь об этом, Илья? – спросил доктор, убедившись, что больной уснул.

Илья Пантелеевич почесал подбородок, разглядывая осу-

нувшееся лицо Андрея и полностью седые волосы.

– Напал на него кто-то. То ли волк, то ли медведь.

– Да вроде не было в наших лесах медведя.

– Может, пришел откуда. Или все-таки волк.

– Надо бы собаку осмотреть. Может, что понятно станет. Эх, жалко пса.

Илья Пантелеевич кивнул. Джека действительно было жалко. Андрей привез его года три назад из Перми; пес был смешной: невысокий, рыжеватый, с длинными лапами и забавными свисающими ушами. Поначалу все у виска крутили, когда узнали, что Андрей за него денег заплатил. Мало, что ли, щенков рождается каждый год в том же Бережном? Бесплатно отдают, а кого не заберут, так топят. Но вскоре поняли, что Джек-то не простая собака. Нюх у него был не хуже волчьего, добычу и найти умел, и выследить, и загнать. Редко Андрей из леса с пустыми руками возвращался. Да, Джек был не то что местные пустобрехи.

Доктор почесал подбородок, а затем поманил Илью Пантелеевича в кухню.

– Пойдем, кофею выпьем.

– Корова не доенная еще, да и Алешку покормить надо, – сопротивлялся тот, но Матвей Гаврилович уже ухватил его за рукав.

– Алешка твой сам поест, не маленький. А корову позже выдоишь, ничего с ней не случится.

Глава 2

Какой именно зверь напал на Андрея и Джека, доподлинно установить не удалось. Матвей Гаврилович только мельком успел осмотреть собаку, после чего Андрей заявил, что хочет похоронить ее. Горло той было разорвано, но сделать это мог и волк, и медведь. Сам же Андрей, проснувшись к полудню того дня, заявил, что ничего не помнит. Джек взял след зайца, затем охотник услышал его вой, а после этого уже проснулся на кушетке Матвея Гавриловича. Не помнил он ни странного густого тумана, ни того, как нечто напало на него самого, ни того, как после этого нес домой Джека. Доктору и Илье Пантелеевичу не удалось помочь ему вспомнить.

Деревня зажила своей жизнью. Дни становились короче, ночи холоднее, настала пора готовиться к скорой и долгой зиме. Алешка уехал в город, и старый друг Матвея Гавриловича, Илья Пантелеевич, привычно загрустил. Доктор старался чаще звать его в гости и сам не отказывался от приглашений на ужин. Два одиноких старика любили коротать долгие вечера за неспешными разговорами, игрой в домино, а то и за рюмкой самогонки. Говорили о разном, вспоминали и произошедшее с Андреем. Должно было случиться что-то чрезвычайное, чтобы сильный молодой мужчина поседел за одну ночь. Да только как теперь узнать правду?

Возможно, это происшествие забылось бы, как забыва-

лись многие другие, мало ли что происходит в глухой деревне, а тем более в лесу, да только примерно в середине сентября начали происходить странные вещи.

Рано утром семнадцатого сентября, пока роса еще не сошла с подсыхающих к зиме травинок, а над широкой рекой клубился туман, Матвей Гаврилович, тепло одевшись, вышел из дому. Подошло время собирать некоторые лекарственные травы, которые он всегда заготавливал в избытке. Лекарств здесь купить было негде, да и не за что. Доктор ездил иногда в соседний поселок, где находился аптечный пункт, чтобы купить самое необходимое, что нельзя заменить народной медициной, а так старался по максимуму обеспечить деревню лекарственными растениями. Осенью и ФАП[1], и другие комнаты в его доме, напоминали гербарий и мастерскую алхимика: по стенам были развешаны букеты сушащейся травы, на всех горизонтальных поверхностях стояли банки и бутылки с настоями и настойками. Ни одна пластиковая бутылка в деревне не выбрасывалась: все шло либо под самогон, либо доктору под настойки.

Миновав последний дом, Матвей Гаврилович подошел к опушке леса, на мгновение остановившись, чтобы прислушаться к звукам и осмотреться. Здесь река подходила к самым деревьям, а потому туман клубился почти у ног доктора. Ничего необычного в этом явлении природы не было, а все же сердце у Матвея Гавриловича билось чаще обычно-

[1] Фельдшерско-акушерский пункт.

го. На влажном берегу реки росла валериана, на которую и нацелился доктор этим утром. Сентябрь – самое время для сбора лекарственного растения. Оно уже отцвело, стебли побурели, а корневища собрали максимальное количество полезных веществ. Раньше за валерианой доктор ходил в лес, там на одной поляне возле небольшой лесной речушки росли самые крупные растения с мясистым корневищем, но сегодня он не рискнул туда идти. Пусть после произошедшего с Андреем и Джеком минул месяц – спокойный, размеренный, ничем не запоминающийся, – но неприятная тревога сосала под ложечкой от одной только мысли пойти туда. Береженого бог бережет, посчитал Матвей Гаврилович и направился к реке.

Вооружившись небольшой лопатой, доктор отыскал нужные стебли и принялся неторопливо выкапывать корневища вместе с корнями, цокая языком: в лесу валериана была лучше. Выкопанный клад он складывал в специально прихваченный холщовый мешок, чтобы дома тщательно вымыть и высушить. Сушил валериану Матвей Гаврилович обычно на чердаке, уж больно сильный у нее был запах: острый, горько-пряный, с примесью сладости. Он привлекал на чердак всех местных котов, но сушить ее дома доктор все равно не мог, сильно болела голова.

Он так увлекся сбором корневищ, что не услышал и не увидел, как со стороны леса к нему приблизилась хрупкая женская фигурка. Лишь когда девушка окликнула его, Мат-

вей Гаврилович вздрогнул, выронил от испуга толстый корень, с которого как раз счищал комья влажной прохладной земли, и поднял голову. Чуть выше по берегу стояла Айя – девушка, жившая в доме старухи Настасьи. Настасья умерла пять лет назад, а через три года в ее дом неожиданно въехала новая жиличка: внучка ее родной сестры Алевтины. Сама Алевтина тоже была родом из Дубков, но, в отличие от старшей на десять лет сестры, еще в молодости уехала сначала в Пермь, а потом и вовсе в Оренбург. Сестру навещала редко, даже на похороны не приехала, сославшись на плохое здоровье. И тем неожиданней для всех жителей стал приезд Айи, которую раньше здесь никогда не видели.

Девушка была нелюдимой, с соседями отношений не поддерживала. Изредка пересекала реку, чтобы запастись продуктами, в местный магазин почти не ходила. Кроме того, она всегда одевалась слишком ярко, носила бесконечное количество звенящих и переливающихся украшений. Местные ее не понимали, а потому недолюбливали. Говорили, будто бы от минутного общения с ней начинает болеть голова, а если в глаза посмотреть, то и вовсе забудешь, куда шел. Последнее Матвей Гаврилович считал особенным враньем: Айя по большей части держала голову опущенной, сама предпочитала не смотреть на собеседника, а потому заглянуть ей в глаза казалось почти невозможным. Он Айю не то чтобы любил, но по крайней мере относился к ней тепло, и она отвечала ему взаимностью. И тем не менее что-то екнуло

в его груди, когда он увидел ее. Она шла из леса. Неужели не страшно молоденькой девушке, которой едва ли исполнилось хотя бы двадцать пять, гулять одной по лесу? Особенно если принять во внимание, что она не была деревенской, приехала из города и мест этих хорошо не знала.

– Здравствуйте, Айечка! – поздоровался Матвей Гаврилович, с некоторой настороженностью глядя на остановившуюся в нескольких метрах от него девушку.

Сегодня на ней было надето длинное пылающе-красное платье, изумрудного цвета сапоги, желтый плащ и синяя повязка на голове, не то сдерживающая огненно-рыжие волосы, не то закрывающая от ветра уши. На шее висело с десяток бус, цепочек и кулонов, запястья позвякивали не меньшим количеством браслетов. Возможно, при общении с Айей и не начинала болеть голова, но вот сосредоточиться было сложно. Айя, наверное, была единственной во всей деревне, кому старый доктор говорил вежливое «вы»: уж слишком отстраненной, как будто не от мира сего, выглядела девушка.

– Гуляете?

Айя кивнула, не делая попытки приблизиться, и Матвей Гаврилович внезапно понял, что это заставляет его облегченно выдохнуть. Пожалуй, ему самому стоит попринимать на ночь валерьянку, совсем параноиком стал на старости лет. Не столкнет же его девушка в воду, зачем это ей? Откуда у него вообще такие мысли? И самое удивительное и неприятное: Айя почувствовала это, отступила еще на несколько

шагов назад, чтобы не пугать его.

– Решила пройтись, пока соседи еще заняты хозяйством и не вышли на улицу. Не люблю суету. А вы, наверное, валериану собираете?

– Ее, родимую, – согласился Матвей Гаврилович, наклонился и поднял с земли корешок, оброненный раньше. – Мелковата в этом году.

– Это потому, что у деревни собираете. Вы бы пошли в лес, там метрах в пятистах к северу есть поляна с ручьем. У его края я видела несколько кустов. Должно быть, корни сочнее и с большим количеством целебных веществ.

Матвей Гаврилович лишь удивленно присвистнул. Не ожидал он, что Айя разбирается в лекарственных растениях. А ведь она была права, именно на той поляне он всегда и собирал валериану. Там она действительно была хороша.

– А вам не страшно гулять одной по лесу? – вместо ответа спросил он.

Девушка пожала плечами.

– Кого мне там бояться?

– Зверей.

– Самые страшные звери – это люди. А там их мало, особенно теперь. Не понимаю, чего все испугались? Впрочем, – она вздохнула, – зверей в этом году тоже мало. Сегодня я видела лишь одну белку, на прошлой неделе – только двух зайцев да волчьи следы. Как будто ушли они куда-то.

Почему-то эти ее слова неприятно царапнули сознание

Матвея Гавриловича. А ведь и правда, Андрей-охотник еще до того происшествия жаловался, что зверей в этом году мало, и частенько возвращался из леса без добычи.

– А что, Матвей Гаврилович, ходите ли вы еще по ночам к реке? – внезапно спросила Айя, заставив доктора вздрогнуть. Откуда она знает?..

Отвечать ему не пришлось; со стороны деревни послышались голоса:

– Матвей Гаврилыч! Матвей Гаврилыч!

Доктор посмотрел в ту сторону: к нему торопились Степанова Алена и жена Андрея Лара. Завидев женщин, Айя махнула рукой Матвею Гавриловичу, улыбнулась загадочной улыбкой и вихрем скрылась среди деревьев, только мелодичным колокольчиком звякнули в воздухе браслеты на ее руках.

Матвей Гаврилович поднялся наверх, недоумевающе глядя на женщин: неужто случилось что в деревне? Тревожное чувство, появившееся в груди после упоминания Айи о поредевших лесных жителях, только возросло.

– Что случилось? – крикнул он, не в силах ждать, пока женщины подойдут ближе.

– Кажется, деду Антону плохо! – крикнула в ответ Лара. – Мужики хату вскрывают, нужна ваша помощь.

Матвей Гаврилович торопливо закинул в мешок добытые корневища и выбрался наверх. По дороге к деревне женщины, перебивая друг друга, рассказывали новости. Лара каж-

дое утро носит деду Антону молоко в склянке, поскольку тот уже очень стар и не держит скотину, а дед Антон приходится каким-то дальним родственником Андрею. Вот и этим утром, подоив корову, Лара отлила немного молока, отрезала краюху свежего хлеба и пошла к деду Антону. На стук тот не открывал, и во дворе его видно не было. Женщина сначала собиралась поставить еду на порог, решив, что родственник еще спит или куда-то ушел, да любопытство заставило ее заглянуть в окно. Стекло было грязным, и Ларе с трудом удалось разглядеть деда Антона на кровати. Он лежал, раскинув руки в стороны, голова его неестественно свисала вниз, а все вокруг было залито кровью.

Лара, как и полагается истеричной бабе, подняла крик. Сбежались соседи, решили, что надо, во-первых, ломать дверь, а во-вторых, звать доктора. Алена вспомнила, что видела, как Матвей Гаврилович шел недавно с лопатой к реке, вот и побежали они его искать.

Дом деда Антона находился на самом краю деревни, ближе к лесу располагался только небольшой домишко Айи, а потому, когда троица подошла к нему, мужики уже взломали дверь. Степан стоял на пороге, нервно затягиваясь папиросой, а из дома были слышны голоса.

– Кажись, не нужна уже твоя помощь, Гаврилыч, – завидев доктора, махнул рукой Степан. – Помер дед-то.

Матвей Гаврилович все равно вошел в дом, обнаружив в проходной кухне бледного Андрея. В спальне же, рядом с

дедом Антоном, стояли Илья Пантелеевич и Иван, муж продавщицы Анюты. Дед Антон лежал на кровати, уставившись невидящим взглядом в потолок, и на лице его застыла посмертная маска ужаса, как будто что-то сильно напугало его в последние мгновения жизни. Все лицо его, шея, грудь и подушка рядом были перепачканы кровью, только вот ран никаких на первый взгляд видно не было. Доктор сразу предположил, что с дедом Антоном случился инсульт и кровь пошла носом, странно только, что так много.

Поставив мешок с кореньями на пол, доктор подошел ближе, чтобы осмотреть покойника. Судя по тому, что дверь была заперта изнутри, едва ли на деда Антона мог кто-то напасть, но проверить следовало. Приедет участковый Сашка Нестеров, молодой, горячий, обязательно стребует причину смерти. Это предыдущий участковый мог выкурить с доктором сигарету и даже на покойника не посмотреть, а Сашка еще блюдет все условности. Тем более это странное выражение на лице…

– Что ж его так напугало? – пробормотал рядом Иван.

– Может, сама смерть? – тихо выдохнул Илья Пантелеевич.

Доктор внимательно осмотрел покойника, попросил даже принести мокрое полотенце и вытер кровь, потому что под ней, запекшейся, могли быть невидные глазу раны, но так ничего и не нашел. Несколько царапин на шее, довольно глубоких, но едва ли смертельных. Скорее всего дед Антон на-

кануне неудачно побрился.

Закончив с покойником, Матвей Гаврилович вышел на улицу, где еще толпились, что-то громко обсуждая, соседи. Этим утром все деревенские дела были забыты.

– Ну что, Гаврилыч, что скажешь? – первым спросил Степан.

– Удар, – уверенно заявил доктор. – В его возрасте это уже неудивительно. Тем более выпить был не дурак, а за лекарствами ко мне не приходил. Сколько раз я ему говорил, что давление большое, да кто ж меня слушал?

– А что ты скажешь про страх на его лице? – не унимался Степан. – Мог его кто-то напугать до смерти?

Доктор прищурился. Ему показалось, что Степан спрашивает не просто так, у него уже есть версия произошедшего. Так и оказалось. Он поманил доктора и показавшегося на пороге Илью Пантелеевича за собой, подвел к окну и указал на землю под ним.

– Глядите.

Конечно, все уже затоптали взволнованные соседи, но среди следов ботинок и сапог виднелся еще один след: босой ноги небольшого размера. То ли женской, то ли подростка. Но кто мог ходить босым в середине сентября?

– Наверняка Айка, – сплюнул на землю Степан. – Как раз она тут только и живет, остальные-то хаты пустые вокруг.

– Не мели ерунды! – прикрикнул на него Матвей Гаврилович. – След свежий, а я ее сегодня видел в сапогах.

– Да и не хочешь же ты сказать, что дед Антон мог так испугаться заглянувшую в окно молоденькую девушку? – поддержал старого друга Илья Пантелеевич.

Степан ничего на это не ответил, только хмуро посмотрел на товарищей.

* * *

Участковый не нашел в смерти деда Антона ничего криминального, а потому покойника похоронили на следующий день. Однако это было лишь начало. Через несколько дней начали пропадать животные.

Сначала исчез безымянный пес Любаши-библиотекарши. Он еще щенком прибился к старой суке Любаши, да так и остался во дворе. Сука давно умерла, а подросший щенок любил всех вокруг, поэтому толку от него, как от охранника, не было никакого. Его даже на цепь не сажали, так и бегал по округе, радуя местных детишек. Поиграть с ними он был большой охотник.

Когда он не пришел ни к ужину, ни к завтраку следующего дня, Любаша начала спрашивать соседей, но пса никто не видел. Потом исчезла кошка Маруська, жившая при магазине. Вот ее было жалко: замечательная охотница, при ней ни одной мыши в магазине не водилось, даже крыс разогнала. Анюта, продавщица, страшно горевала.

Маруську нашли через два дня в лесу, близ самой опуш-

ки. Рядом с ней лежала задушенная мышка-полевка: кошка любила похвастаться добычей хозяйке, прежде чем полакомиться. Когда подняли ее с земли, пожухлая трава под ней оказалась окрашена кровью, хотя на самой кошке ранки нашлись с трудом: пушистая шерсть скрывала два маленьких прокуса на шее.

К началу октября жители Дубков не досчитались уже двух собак и трех кошек. Один пес умер прямо сидя на цепи. Он был уже стар и глух, а потому запросто мог не заметить приближения дикого зверя. Тем более жил он в доме у самого леса. И у всех на шее находились странные ранки. Иногда две, иногда больше. Матвей Гаврилович, большой любитель книг и частый посетитель библиотеки, уже всерьез думал о вампирах, если бы только мог предположить их существование. Старый доктор этого, конечно, не допускал, но уж очень странными казались ему смерти. И однажды даже решился провести вскрытие.

Утром десятого октября пришла страшная весть: неизвестный убийца вошел в деревню. Алена пчеловода Степана летом вывела два десятка цыплят. Они подросли, превратились в молодых курочек, однако жили не в общем курятнике, а в небольшой пристройке: старые куры не любили молодняк, а те пока не могли с достоинством защитить себя. И вот утром, собираясь выпустить молодых погулять, Алена открыла деревянную дверь и обнаружила все двадцать мертвыми на полу под насестом. Подняла страшный крик, на ко-

торый сбежались соседи. Конечно же, затоптали все следы. Глупая баба утверждала, что дверь была заперта снаружи, но в это верилось мало. Как бы тогда проник в курятник зверь? Осмотрели каждую щель, через которую могли пролезть ласка или хорек, но ничего не нашли.

Пока Алена рыдала над погибшим выводком, а соседки, как могли, успокаивали несчастную хозяйку, Матвей Гаврилович прихватил одну курочку, желая проверить свою догадку.

– Суп варить с чужого горя собрался? – недобро прищурился Степан.

– Глупости не говори, – оборвал его Матвей Гаврилович. – Все верну.

Он поторопился с курицей прочь, пока никто из соседей не начал задавать вопросы, ответить на которые старый доктор пока был не готов. Только всевидящий Илья Пантелеевич да его внук Алешка, приехавший к деду на выходные, увязались следом.

– Ты что это задумал, Матвей? – спросил Илья Пантелеевич, когда они отошли на достаточное расстояние.

– Хочу кое-что проверить, – обтекаемо ответил доктор.

Пожалуй, только со старостой он мог поделиться своими опасениями и мыслями, а потому не стал возражать, когда тот вошел с ним в дом. К Алеше все давно привыкли и воспринимали его как неизменного спутника деда, а потому он тоже вошел.

Когда-то давно, когда Матвей Гаврилович был еще совсем молодым доктором, только что окончившим институт, а Дубки насчитывали несколько сотен жителей, этот дом вместе с примыкающими к нему двумя комнатами, названными «ФАПом», ему дали во временное пользование. С тех пор жителей стало меньше: кто умер, кто уехал, сам Матвей Гаврилович вышел на пенсию, но дом так и остался его. Как и профессия, за которую теперь платили пенсию, а не зарплату.

Доктор отнес мертвую тушку птицы во вторую комнату ФАПа, которая у него считалась и процедурным кабинетом, и операционной, и положил ее на высокую кушетку, накрытую неизменно чистой, хоть и посеревшей от времени простыней. Илья Пантелеевич и Алешка остановились рядом, глядя на то, как доктор ловко разводит в стороны перемазанные кровью перья на тонкой шее курицы. Как и ожидал Матвей Гаврилович, на шее была едва заметная ранка, похожая на прокус. Недолго думая, старый доктор выдернул несколько перьев, а потом взял скальпель и разрезал тонкую кожицу. Алешка тяжело сглотнул, как будто доктор перед ним разрезал не курицу, которую он сам любил поедать в бульоне, а тело человека.

– Как я и думал, – произнес наконец Матвей Гаврилович, почесывая лысую уже макушку. – Странно.

– Не томи, Матвей, – попросил Илья Пантелеевич.

– Крови в теле нет почти. Как будто высосал ее кто-то.

Мне давно так казалось, еще когда Маруська сдохла, да только тогда я не рисковал никому говорить.

Доктор промолчал о том, что и смерть деда Антона теперь казалась ему странной. Все ж раны на его шее были немного другими, а потому незачем зазря пугать остальных.

Теперь рука к макушке потянулась и у Ильи Пантелеевича.

– Но что за зверь может высасывать у животного кровь? Разорвать в клочья, съесть самое вкусное – это я могу понять, да и то странный выбор: и кошки, и собаки, и вот куры. Но чтобы высосать кровь? Кто мог это сделать?

И прежде, чем Матвей Гаврилович произнес странное для его понимания слово «вампиры», раздался неуверенный голос Алеши:

– Чупакабра?

И дед, и доктор вместе повернулись к нему.

– Какая еще чукабра? – спросил Илья Пантелеевич.

– Чупакабра, – поправил его внук. – Говорят, есть такое животное. У него красные светящиеся глаза и специальный хоботок, через который он высасывает кровь у животных, а иногда и некоторые внутренние органы. Вы бы, дед Матвей, проверили, все ли целое у курицы. Вдруг еще что съел, не только кровь.

– Но если это… чупакабра, – неуверенно повторил необычное слово Матвей Гаврилович, – то как же он забрался в курятник? Никаких дыр мы не нашли, а Алена утвер-

ждает, что дверь запирала.

– А в том-то и дело! Чупакабра умеет через стены проходить, никакие двери ему не помеха.

Доктор и Илья Пантелеевич переглянулись.

– Ты, Алешка, о таком лучше помалкивай, – наконец посоветовал ему дед. – Нельзя людям говорить, что двери не помеха. Люди должны верить в то, что могут запереться дома и ничего им не будет угрожать.

– Так на людей чупакабра не нападает, – попытался возразить Алешка, но дед жестом остановил его.

– И что животных могут спасти. Потому как животные для любого крестьянина – важная часть жизни, понимаешь? Только панику посеешь, а никакой чукабры, может, еще и нет. Ласка и через не такие щелки пролезала, а у Алены голова дырявая, просто забыла дверь закрыть.

– А как же кошки и собаки? – неуверенно поддержал Алешку Матвей Гаврилович. – Неужели их тоже ласка… Да и не пьет она кровь, Илья.

– Разберемся, – ответил Илья Пантелеевич. – А вот паники нам не надо. Так что помалкивайте оба пока.

Они и молчали бы, но неизвестное животное продолжало наведываться в деревню едва ли не каждую ночь. Много не брало: то курицу одну, то двух-трех кроликов. Люди чувствовали себя неуютно, запирали дома и сараи крепче, но ничто не могло остановить невидимого зверя.

Приехавший однажды на выходные Алешка привез с со-

бой газету с необычной заметкой: в Санкт-Петербурге работает организация, которая занимается изучением необычных явлений, в том числе и наверняка смертей от неизвестных науке животных. Санкт-Петербург, конечно, далеко, но, возможно, они согласятся приехать?

Глава 3

29 октября 2015 года
Санкт-Петербург

На работу Саша приехала поздно. Пару дней назад у соседа сверху сорвало кран и, пока явилась аварийная бригада и перекрыла весь стояк, вода успела залить три нижних этажа. Глядя на потоки холодной воды, сбегающие вниз по стене на кухне, Войтех глубокомысленно изрек, что они все равно хотели сделать ремонт, а потому нечего и переживать. Саша была настроена не так оптимистично, но сделать все равно ничего не могла. В итоге несколько дней они решали дела то с управляющей компанией, то с аварийной службой, то со страховой.

Сегодня с утра обещал прийти прораб, чтобы оценить, как быстро его бригада сможет сделать ремонт, а также в какую сумму это обойдется, поэтому Саша осталась дома. Войтех был вынужден уехать в Институт еще раньше обычного.

Со времени официального открытия Института исследований необъяснимого, который занимался – кто бы мог подумать! – исследованиями необъяснимых явлений, прошло чуть меньше трех месяцев. За это время такая необычная для русского менталитета организация привлекла немало внимания. Некоторые считали сотрудников Института мошенниками, но находились и те, кто действительно обращал-

ся за помощью. И их, к всеобщему удивлению, оказалось много.

Три с половиной года назад на одном из форумов в Интернете Войтех Дворжак собрал группу энтузиастов, которые начали такие расследования. Тогда они ездили в поездки все вместе несколько раз в год, остальное время занимаясь своими делами. Теперь же приходилось делиться на группы. Сотрудников в Институте стало больше, зачастую такое количество людей на расследовании было не нужно. Уже при более тщательном разборе заявки становилось понятно, кому лучше поехать. Например, Лиля Сидорова и Нев с воскресенья вели расследование в Саратовской области, где внезапно обнаружилось привидение в библиотеке одного маленького городка, и вполне хорошо справлялись вдвоем.

Кроме того, пристальное внимание со стороны властей и прессы тоже не могло не наложить отпечаток на работу Института. Предложения поучаствовать в различных ток-шоу сыпались как из рога изобилия, а внезапные проверки всего, чего только можно, готовы были проходить едва ли не по ночам. В какой-то момент Анна, директор Института, наступила на горло своей гордости и независимости и позвонила Эдуарду Александровичу Ляшину, который был идейным вдохновителем создания Института и одновременно его своеобразной «крышей». Многочисленные проверки значительно проредились, однако даже Ляшин не мог избавить от них всех. Например, сегодня в Институт был запланиро-

ван «дружеский визит» главы администрации Петроградского района, в котором находилось здание, где располагался ИИН.

Саша подъехала к работе почти что в полдень. Визит уже наверняка завершился, едва ли глава района мог позволить себе бродить по Институту целый день, однако она все равно предпочла одеться строго и официально, как и полагается сотруднице серьезной организации. Узкая кожаная юбка до колен сковывала движения, от туфлей на неудобной шпильке болели ноги, белая блузка рисковала быть испачканной еще до конца рабочего дня, а большая заколка с трудом удерживала непослушные кудрявые волосы, но Саша мужественно терпела, взбираясь пешком по лестнице на четвертый этаж. Лифта в старом здании не было, поэтому широкие лестничные пролеты приходилось преодолевать ежедневно.

В приемной девушка-администратор Лидия, всегда улыбчивая и безупречно выглядящая, казалась испуганной и напряженной. Видимо, тоже не привыкла к визитам таких высокопоставленных гостей.

– Ну что там? – шепотом поинтересовалась Саша, не рискуя входить в коридор ИИН.

– Ушли, – почему-то так же шепотом ответила Лидия.

– И как прошло?

– Пока непонятно. Вроде бы ничего страшного, он уходил довольный, улыбался, но вот после его ухода Войтех заявил Анне Николаевне, что он не цирковая лошадь и делать че-

го-то не будет.

Саша недоуменно покосилась на стеклянную дверь, отгораживающую приемную от длинного коридора, куда выходили все кабинеты. Она даже предположить не могла, что именно могло вызвать такую реакцию всегда невозмутимого Войтеха.

– А Аня что?

Лидия пожала плечами.

– Рассмеялась. И сказала, что делать все равно придется.

Саша наконец провела ключом по магнитному замку и толкнула дверь. Коридор Института встретил ее гробовой тишиной. Здесь никогда не бывало особенно шумно, однако обычно из кабинетов слышались голоса и монотонные звуки, сопровождающие обычный рабочий день: шелест страниц, щелканье клавишей компьютера, звонок телефона. Саша толкнула дверь кабинета Войтеха, та послушно распахнулась, но вот самого Войтеха внутри не оказалось, только на спинке кресла висел пиджак. Видимо, он отошел недалеко и ненадолго. Саша решила зайти позже и выяснить подробности визита, а пока направилась к той части коридора, где располагались кабинеты медицинской службы.

Когда-то это здание было обыкновенным многоквартирным домом, хоть и очень старым, построенным еще до революции, с широкими лестницами, просторными комнатами и высокими потолками. Не так давно по меркам возраста этого дома жильцов расселили, а здание сделали офисным цен-

тром, весь четвертый этаж которого и выкупил ИИН. В расположении кабинетов еще угадывались бывшие квартиры, хоть их многократно переделывали, сносили стены и строили новые проходы. Медицинская служба как раз и занимала одну из таких «квартир». На бывшей кухне расположился процедурный кабинет, две большие комнаты предполагалось отдать под исследовательские лаборатории, но пока была обустроена только одна, во второй ремонт еще даже не начинали. Третью комнату разделили пополам, и там находились кабинеты Саши и Константина Долгова, которого Анна назначила главой медицинской службы Института. Саша поначалу собралась страшно обидеться, все-таки это она, а не Долгов, три года ездила с Войтехом и остальными на расследования, но Войтех сумел ее переубедить.

– Подумай, чего ты хочешь больше: по-прежнему ездить на расследования или быть главной, сидеть в кабинете и заниматься закупкой оборудования и заполнением документов, – предложил он, когда она пожаловалась ему на несправедливость. – И если ты действительно хочешь быть главной, я поговорю с Аней.

Саша подумала и решила, что главной она быть не хочет. Когда-то эти расследования ворвались в ее жизнь ураганным ветром, перевернули все с ног на голову, развеяли скуку, так разве хочет она теперь снова возвращаться к тому, от чего страдала? Если на старой работе, в реанимации Покровской больницы, помимо документов были еще реальные пациен-

ты, которых надо было ежедневно спасать, то похоронить себя под ворохом бумаг в Институте она точно не хочет.

– Саш, ты? Зайди, пожалуйста, – окликнул ее Долгов, когда она неосторожно хлопнула входной дверью.

Саша прошла в узкий коридорчик, разделявший их кабинеты, и заглянула в приоткрытую дверь. Долгов сидел за столом, на котором возвышались горы каких-то журналов и папок, в очередной раз напомнивших Саше, что она правильно не стала обижаться. На Косте тоже был дорогой костюм и галстук, темные волосы аккуратно подстрижены и даже, кажется, чуть смазаны гелем для лучшей укладки, но он ходил в таком виде на работу каждый день, предпочитая при необходимости переодеваться во что-то простое и немаркое здесь. Константин скользнул любопытным взглядом по ее строгой и стильной одежде, но ничего не сказал. Саша ни разу за три месяца работы не дождалась от него ни одного комплимента, хотя и Лиле, и администратору Лидии он их периодически раздавал. То ли она была совершенно не в его вкусе, то ли он не рисковал проявлять даже дежурную симпатию к девушке шефа, пусть Войтех и не является главным официально, то ли недолюбливал ее так же, как и она его. В любом случае Сашу такое положение дел полностью устраивало. Иначе было бы слишком утомительно работать вместе.

– Как все прошло? – спросила Саша.

Долгов непонимающе посмотрел на нее, не сразу сообразив, о чем она, а потом махнул рукой.

– Да нормально, сюда зашли, руку мне пожали и ушли. Возьми лучше вот, – он протянул ей один из журналов, на деле оказавшийся каталогом медицинского оборудования. – Посмотри, что нам надо. Я там галочками отметил, но вдруг ты еще что-то придумаешь.

Саша посмотрела на обложку, с удивлением замечая название фирмы, выпустившей каталог.

– «Медлаб-Питер»? – спросила она и тут же почувствовала на себе взгляд Долгова: понимающий, даже чуть насмешливый.

– Ты против?

– С чего мне быть против?

– Ее директор – твой бывший муж.

– И что? У нас с ним хорошие отношения. Если у него приемлемые цены, учитывая тот факт, что это фирма-посредник, а не производитель, то я буду только рада.

– Вот и отлично, – Долгов широко улыбнулся. – У него прекрасные цены и привлекательная скидка специально для нас.

В его голосе Саше снова послышалась насмешка, на этот раз еще более явная, но она решила не обращать внимания. Людям, особенно почему-то мужчинам, было сложно понять, как между бывшими супругами могут сохраниться хорошие отношения. А уж мнение Долгова по этому поводу ее и вовсе не волновало.

Бросив плащ и сумку в своем кабинете, Саша положила

каталог на стол, чтобы не забыть о нем, взяла захваченный из дома пакет и снова направилась в кабинет к Войтеху. К этому времени он уже должен был вернуться.

Войтех на самом деле находился в кабинете, сидел в кресле у окна, тоже уставившись в какой-то каталог, но явно не видя картинок перед собой. Саша знала этот взгляд: чуть рассеянный, несфокусированный, выдающий, что его мысли где-то далеко. Светлая рубашка сидела на нем так же хорошо, как и на Долгове, но вот общий вид казался таким же идеально-растрепанным, как у Лидии на ресепшене. Темные волосы топорщились с одной стороны, как будто он запускал в них пальцы, петля галстука чуть растянулась, словно он собирался снять его, но затем передумал. Скользнув взглядом по этому самому галстуку в темно-синюю полоску, Саша вспомнила, как он утром перед большим зеркалом в спальне завязывал его, а она представляла, как снимет его вечером. Почему-то Войтех в пиджаке и галстуке всегда казался ей особенно привлекательным. То ли потому, что обычно предпочитал удобные джинсы и свитера с высоким горлом, то ли потому, что всегда так забавно злился, когда был вынужден напяливать на себя парадную одежду.

Практически с того момента, как Войтех стал хозяином этого кабинета, Саша мечтала однажды соблазнить его здесь, и сейчас рука сама собой потянулась к дверному замку и защелкнула его. Войтех, конечно, заметил это движение, но ничего не сказал. Он лишь откинулся на спинку кресла и

улыбнулся.

– Привет! Все решили с прорабом?

Саша кивнула и улыбнулась в ответ.

– Мы разоримся, но кухня у нас станет гораздо функциональнее, чем была. Оказывается, даже на пяти квадратных метрах можно уместить очень многое, если у тебя богатая фантазия и нужное образование.

Саша коварно закусила губу, на ходу сбросила туфли на шпильке и подошла к нему уже лишь в тонких колготках, но Войтех и тогда никак не прокомментировал ее поведение. Лишь когда она поставила бумажный пакет, который принесла с собой, на стол, а сама присела на его краешек прямо перед Войтехом и потянулась к его галстуку, он спросил:

– Что ты делаешь?

– То, что хотела сделать уже очень давно.

Она потянула за узел, ослабляя его, а затем ловко стащила галстук через голову Войтеха и бросила его на пол.

– Саш…

Поцелуй не дал ему договорить. На какое-то время Войтех замолчал, больше не пытаясь выяснить ее намерения и послушно отвечая на поцелуй, но когда Саша стащила с его рук тонкие матерчатые перчатки, которые он был вынужден постоянно носить вот уже полгода, и потянулась к пуговицам рубашки, отстранился.

– Что ты делаешь?

– Разве непонятно?

Глядя исключительно ему в глаза и не переставая улыбаться, Саша переместилась со стола к нему на колени, расстегнула несколько пуговиц и скользнула ладонью под рубашку, второй рукой продолжая справляться с оставшимися пуговицами. Войтех перехватил ее запястье.

– Там люди снаружи.

– Я заперла дверь, уже ученая.

Она снова накрыла его губы своими, поэтому теперь слова выходили невнятными и не такими уверенными, как будто желание в нем сражалось с принципами.

– Это как-то… неправильно.

– Плевать.

– А если кто-то услышит?

– Мы будем тихо.

– Я не могу, когда за дверью кто-то ходит.

– Когда-то в за́мке тебя это не смущало.

– Саш…

Он снова попытался остановить ее и воззвать к разуму, но Саша лишь улыбнулась, вытаскивая полы уже до конца расстегнутой рубашки из брюк.

– Дворжак, смирись. Я принесла тебе бадлон, а потому рубашку тебе все равно придется снять. Все остальное – лишь дело техники и упорства, а я упрямая, ты же меня знаешь.

Войтех покосился на бумажный пакет, стоящий на столе, гадая, что такое «бадлон». До переезда в Санкт-Петербург он считал, что в совершенстве владеет русским языком. Он

не всегда понимал какие-то устойчивые выражения или цитаты из фильмов и песен, но все слова знал, умел даже использовать сленг. Все же десять лет прожил в России. Однако местный диалект иногда вгонял его в ступор. То, что надо говорить парадная, а не подъезд, шаурму называть шавермой, а пончики – пышками, он узнал давно, едва только познакомившись с Сашей и Невом и проведя несколько расследований в Санкт-Петербурге. И все же не понимал, почему бордюр следует называть поребриком, даже если это бордюр, ведь между ними есть разница; почему часто на вывесках пишут «Булошная», ведь нет такого суффикса; почему петербургский и петербуржский – одинаково правильно; почему городу вернули имя Санкт-Петербург, а область так и осталась Ленинградская; почему гречку называют гречей, курицу – курой, но с сосулей вместо сосулек начинают смеяться и декламировать странный, на его взгляд, стишок. И вот теперь этот бадлон, значение которого он не мог даже предположить. Впрочем, действия Саши наводили на определенные мысли.

Войтех вдруг ясно понял, что если бадлоном в Санкт-Петербурге называют презервативы, ему придется отсюда уехать. Никогда ему не понять логику этого города, он тут не приживется.

Желая проверить свое предположение, Войтех потянулся к пакету и заглянул внутрь, не сдержав облегченного выдоха: в нем лежала всего лишь его любимая черная водолазка.

– Я знала, как ты мучаешься в непривычной одежде, – прошептала Саша, переместившись губами к его уху. – Поэтому сейчас мы снимем с тебя рубашку, займемся любовью, а потом ты наденешь бадлон, и день пройдет гораздо лучше, чем начался. Обещаю.

Войтех уже готов был сдаться, особенно когда ладони скользнули по ее бедрам, затянутым в узкую кожаную юбку, а затем предательски потянулись к пуговицам на блузке, ощущая очертания ее тела даже сквозь слой одежды, но его спас звонок мобильного телефона, и он тут же ухватился за этот предлог.

– Мне надо ответить.

Саша посмотрела на него непонимающим взглядом, и он понял, что она даже не услышала звонка, уже целиком поглощенная происходящим. Она посмотрела на лежащий на столе телефон и снова повернулась к нему.

– Перезвонят.

Однако стоило мобильному телефону замолчать, как ожил телефон внутренней связи.

– Войтех, зайди ко мне, пожалуйста.

Анна.

– Это может быть важно.

– Разберется без тебя.

Ее руки уже добрались до ремня его брюк, а его закончили с последней пуговицей ее блузки, но Анна сдаваться не собиралась.

– Войтех! – в голосе скользнуло раздражение, заставившее Сашу рассмеяться, а Войтеха снова мучительно делать выбор.

– Дворжак, если ты сейчас не придешь, я тебя уволю к чертовой матери!

Яростный шепот в самый микрофон решил все за него.

– Прости.

Войтех заставил Сашу снова переместиться с его колен на стол, поднялся и принялся заправлять рубашку и застегивать пуговицы, но плохо слушающиеся пальцы не желали подчиняться.

– Бадлон, говоришь?

Он резким движением сдернул рубашку, вытащил из пакета водолазку, натянул ее на себя, подхватил со стола перчатки, а затем коснулся Сашиных губ в быстром поцелуе.

– Вечером я все компенсирую. Обещаю. Но дома.

Саша тяжело вздохнула, глядя на то, как он едва не запнулся о ее туфли, отпер замок, постоял немного, давая себе время оправиться, а затем вышел в коридор, хлопнув дверью.

– Да, телефон я не учла, – вздохнула Саша, слезая со стола и поправляя на себе одежду.

* * *

Перед кабинетом Анны Войтех остановился, еще раз

быстро убедился, что выглядит прилично и Саша не оставила на нем никаких следов своей преступной деятельности, и вежливо постучал. Конечно, все с самого начала знали, что Анну назначили директором ИИН лишь потому, что Ляшин не хотел ставить во главе привлекающей к себе внимание организации иностранца, но сам Войтех пообещал и себе, и Анне, что вмешиваться в руководство, отменять решения директора и ставить под сомнение ее компетентность не будет. По крайней мере прилюдно. Для всех Анна главная – и точка, ему достаточно держать руку на пульсе. Он старший менеджер, руководит всеми «полевыми» работами и расследованиями на выезде. То есть, по сути, второй человек в ИИН. В последние дни Войтех жалел и об этом.

– Входи, – разрешила Анна.

В кабинете она была не одна. За длинным столом, где обычно размещались посетители, сидели два человека. Высокий пожилой мужчина с выбеленными сединой волосами и ярко-синими глазами сразу же повернулся к Войтеху. На вид ему было около семидесяти или чуть больше, и Войтех безошибочно определил, что живет он в деревне и приехал издалека. На нем был довольно старый, но при этом опрятный и почти не ношенный костюм, а на стуле рядом лежала плоская кепка с рисунком-елочкой. Такие он почему-то всегда встречал в деревнях. Вторым человеком был молодой парень, совсем еще подросток. В отличие от первого, его волосы напоминали цветом вороново крыло, но глаза были та-

кими же синими. Войтех сразу понял, что они родственники, скорее всего дед и внук. Молодой человек был одет современнее, но выглядел гораздо напуганнее деда. Как будто все вокруг было для него в новинку, из чего Войтех сделал вывод, что он тоже живет далеко.

Но самым странным было даже не это. На столе перед мужчинами лежал большой носовой платок, на котором горкой возвышались денежные купюры: здесь было несколько пятитысячных бумажек, чуть больше тысячных и целая гора пятисотенных и даже соток.

– Знакомьтесь, – сказала тем временем Анна. – Это наш старший менеджер, Войтех Дворжак. Войтех, это Илья Пантелеевич Горбушкин и его внук Алексей.

Алексей неловко улыбнулся, чуть привстал и что-то невнятно пробормотал, а вот его дед поднялся со стула и протянул Войтеху широкую, загрубевшую от тяжелой работы, ладонь.

– Илья Пантелеевич, – представился он.

Войтех пожал руку, конечно же, не снимая перчаток, чтобы избежать физического контакта. Интуиция и так подсказывала, что эти двое – потенциальные клиенты, а значит, поймать видение ему не составит труда. Именно поэтому он и носил перчатки: вот уже шесть месяцев любой контакт незащищенной кожи с предметами и людьми почти всегда вызывал видения. По какой-то счастливой случайности Саша была единственной, кого он мог касаться без риска для

себя.

– Войтех, – улыбнулся он в ответ.

– А по батюшке как?

Войтех непонимающе нахмурился, и на помощь ему пришла Анна:

– Отчество спрашивает.

– У нас нет отчеств.

– Не бывает так, чтобы не было отчества, – твердо возразил Илья Пантелеевич. – Батюшка у вас есть, значит, есть и отчество.

– Нет, я чех, у нас… – попытался возразить Войтех, но Анна перебила его:

– Просто скажи ему, как зовут твоего отца.

Войтех внезапно понял, что Анна общалась с этими людьми гораздо дольше его и уже успела прийти к некоторым выводам. После увольнения из вооруженных сил он два года преподавал в колледже, и там его тоже называли по имени-отчеству. Войтеха это не то чтобы раздражало, просто до сих пор было непривычно.

– Ладислав, – обреченно сказал он.

Старик довольно улыбнулся и наконец выпустил его ладонь.

– Стало быть, вы – Войтех Ладиславович, – заключил он, снова садясь на стул.

Анна тоже села, и Войтех последовал ее примеру, заняв место напротив посетителей. Войтех Ладиславович так Вой-

тех Ладиславович. У студентов в колледже он порой бывал и Войтехом Владиславовичем.

– Илья Пантелеевич и Алексей приехали из деревни Дубки Пермского края, – начала Анна. – Говорят, у них в деревне завелась чупакабра.

На лице Войтеха не дрогнул ни один мускул, хотя подобное заявление могло бы удивить кого угодно. Про чупакабру он слышал и, хоть не видел ни одного доказательства ее существования, не мог утверждать, что это чья-то фантазия. Видел он в своей жизни и не такое. Если она действительно существует, то почему бы ей не появиться и в Пермском крае?

– Могу я узнать подробности? – поинтересовался он. – Желательно из первых рук.

Анна и не претендовала на рассказ.

– Все началось еще летом, – начал Илья Пантелеевич. – Андрей Прокофьев, наш охотник, начал замечать, что в лесу как будто стало меньше животных. Мы думали, ушли куда-то в поисках корма, но позже поняли, что их, возможно, тоже съело это… чукабра.

– Чупакабра, – едва слышно поправил деда Алексей.

Войтех улыбнулся, давая понять, что и так понял.

– А потом что-то убило собаку Андрея. Они пошли на охоту, а вернулся он, уже держа пса на руках. Кто-то разорвал ему горло, но Андрей ничего не помнит. Затем чукабра стала заходить в деревню и убивать животных. Сначала ко-

шек и собак, потом перешел на птицу, кроликов. И не просто убивать, а выпивать их кровь. Наш местный доктор осматривал несколько туш, говорит, нигде крови нет. И главное, как ни закрывай двери, ни заделывай щели, все равно проходит, зараза! Как будто сквозь стену. Участковый только руками разводит, что он может сделать? Мужики наши оставались сторожить пару раз, так как будто чует что-то, не приходит. Или нападет на те дворы, где нет охраны.

– И что же, совсем никто ее ни разу не видел? – уточнил Войтех.

Илья Пантелеевич качнул головой.

– Ни разу. Только следы иногда находим. Алешка, покажи.

Алексей вытащил телефон, вывел на экран снимок и протянул Войтеху. Тот взял аккуратно, хотя через перчатки видения не ловил еще ни разу. На небольшом экране старенького смартфона можно было разглядеть влажную землю возле деревянной стены, а на ней следы лап. Войтех не очень-то разбирался в зоологии, хотя когда-то учился в гимназии с биологическим уклоном и усиленно изучал микробиологию перед полетом в космос, но следы показались ему похожими на собачьи, только очень большими.

– Вы полистайте, – подсказал Алексей.

Войтех провел пальцем по экрану, перелистывая на следующую фотографию, и тут же поймал на себе удивленный взгляд Алексея.

– Как вы это делаете в перчатках? – робко спросил он. – Телефоны же не реагируют…

Войтех усмехнулся. Когда обострившиеся экстрасенсорные способности вынудили его надеть перчатки, пришлось озаботиться и тем, чтобы пользоваться техникой в них. Благо современная наука подумала об этом раньше его.

– В кончики пальцев в перчатках вшиты металлизированные нити, – пояснил он. – Они проводят электрический ток и позволяют пользоваться смартфоном, – и, пока Алексей не задался вопросом, почему он просто не снимет перчатки, Войтех спросил: – Мне кажется или следы неравномерны? Как будто тот, кто их оставил, хромает?

– Вы правы, – кивнул Илья Пантелеевич. – Наш охотник так же говорит. У чукабры этой, видимо, поранена передняя левая лапа.

Войтех кивнул, продолжая разглядывать снимки. Их было немного, поэтому скоро он вернул телефон Алексею.

– Нападает только на животных, людей не трогает?

Дед и внук переглянулись.

– Вроде нет, – ответил Илья Пантелеевич. – За год у нас только одна смерть была, старый Антон помер, но доктор говорит – удар. Алешка нашел заметку в газете про вас. Мы всей деревней деньги собирали, – он кивнул на стол, где возвышалась денежная гора, – кто сколько мог. Деревня у нас маленькая. Здесь семьдесят две тысячи триста рублей. Немного пришлось потратить на билеты.

Войтех посмотрел сначала на деньги, потом на Анну. Та едва заметно пожала плечами.

– Хорошо, – Войтех снова перевел взгляд на Илью Пантелеевича. – А на другие деревни чупакабра нападает или только на вашу?

– В других тишина. Но мы на отшибе находимся, лес с трех сторон, а с четвертой – Кама. Зимой она, может, и переберется по льду к соседям, а пока только у нас. Не выйти ей.

Войтеху даже не нужно было касаться гостей и ловить видения, чтобы убедиться, что они говорят правду: их деревню действительно что-то держит в страхе. Поимка не известных науке животных не входила в сферу интересов Института, у них даже не было квалифицированного зоолога, но Войтех почему-то не мог отказать этим людям. Не приехали бы они издалека, если бы проблему можно было решить самим или с помощью полиции. Тем более интуиция подсказывала ему, что дело может быть вовсе не в чупакабре.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Мы займемся этим. Подготовим все необходимое и приедем к вам с расследованием. Только, пожалуйста, заберите деньги. Мы сделаем это за свой счет.

– Нет, – уверенно отрезал Илья Пантелеевич, и синие его глаза чуть прищурились, став еще темнее. – Мы не бедняки какие-нибудь. Всю жизнь честно работали, на пенсию заработали. Хозяйство держим, огород сажаем. Нам хватает. Можем заплатить за помощь. В газете ведь было указано, что

у вас платно.

Войтех вздохнул, примерно представляя, какая именно заметка попалась на глаза Алексею, и поймал на себе насмешливый взгляд Анны. Илья Пантелеевич плохо представлял, сколько будет стоить такая экспедиция, но переубеждать его Войтех не собирался. Вместо этого он предложил другой план:

– Давайте так. Эти деньги вы заберете, но обеспечите нашим людям ночлег и пропитание, пока они будут вести расследование. Я же так понимаю, гостиниц у вас нет, а жить им где-то нужно будет. И что-то есть тоже.

Мужчина задумался, посмотрел на внука, а затем согласно кивнул.

– Конечно, обеспечим всем, что будет нужно.

– Вот и отлично, – подвела итог Анна. – Тогда сейчас с вами пообщается наш сотрудник, запишет все данные, и в ближайшее время мы направим группу к вам. – Она нажала кнопку на телефоне. – Лидия, зайди ко мне.

Анна аккуратно завернула деньги все в тот же платок и подвинула его Илье Пантелеевичу. Тот спрятал деньги в нагрудный карман, поднялся со стула, кивнул головой Анне, протянул руку Войтеху.

– Тогда будем ждать.

В кабинет зашла Лидия.

– Оформи заявку, – попросила ее Анна.

Девушка приветливо поманила посетителей за собой, и,

когда за ней закрылась дверь, Анна снова насмешливо посмотрела на Войтеха.

– Если мы будем всем бесплатно помогать, от нас скоро все спонсоры откажутся. В сентябре была семья с полтергейстом, сейчас эти. А ведь мы еще трех месяцев не работаем.

Войтех не ответил на ее улыбку.

– У семьи с полтергейстом был ребенок-инвалид. Я видел российские пенсии, они не так велики, как на самом деле заработали эти люди за всю жизнь. Если мы не будем помогать тем, кто не может заплатить, какой смысл в создании этой организации? Помогать за деньги мы и так могли.

Анна несколько секунд разглядывала его лицо, а затем вздохнула.

– На пять часов назначу совещание по этой заявке. Подумай пока, кого отправить и что будет нужно дать группе с собой.

Войтех кивнул и уже направился к двери, но следующая фраза Анны заставила волну жара прокатиться по спине:

– И свитер переодень, он у тебя наизнанку.

* * *

К пяти часам все сотрудники ИИН, кто не находился на выезде, то есть все, кроме Нева и Лили, начали собираться в большой переговорной. Явился даже бывший следователь, а ныне менеджер проекта Владимир Дементьев, который еще

вчера вечером сказался больным, хотя все понимали, что на самом деле ему просто не хочется светиться в коридорах здания, когда здесь будет глава администрации со своей свитой.

– У меня аллергия на все это высокое начальство, – хмуро объявил он накануне и демонстративно чихнул. – Дайте хоть здесь его не видеть. Горло у меня болит, сопли и все такое прочее.

Анна не стала настаивать на его присутствии, однако на совещание вызвонила. Дементьев, конечно, явился без единого признака болезненных страданий на лице. Когда все шестеро сотрудников разместились за длинным столом, Анна вкратце пересказала визит Горбушкина с внуком.

– О, чупакабру ловить нам еще не приходилось! – радостно потер руки Ваня Сидоров. – Вы как хотите, а я точно еду. Уже всю задницу себе отсидел в этой конторе.

Войтех едва заметно приподнял бровь. Ваня уезжал на расследование вместе с Невом и Лилей и, лишь закончив там все дела по технической части и убедившись, что его присутствие более не требуется, вернулся обратно. Вчера утром. Его заявление казалось особенно странным, если учесть, что предыдущие три с половиной года он всячески демонстрировал, что эти расследования ему поперек горла, ездит он на них исключительно ради безопасности сестры. Войтех, конечно, всегда знал, что это неправда.

– Думаю, твое присутствие будет уместно, – кивнул он. – Но давайте для начала я расскажу чуть подробнее о том, что

вообще представляет собой легенда о чупакабре. Мне кажется, не все здесь хорошо с ней знакомы. – Войтех бросил быстрый взгляд на Дементьева, который с самого начала упоминания мифического зверя выглядел непонимающим.

– Уж будь любезен, – согласно кивнул тот.

– Итак, впервые упоминания о чупакабре появились в пятидесятых годах прошлого века в Пуэрто-Рико. Там обнаружили несколько мертвых коз, у которых якобы была высосана вся кровь, а мясо не тронуто. Отсюда и название самого существа: «сосущий коз». Легенда о нем быстро распространилась по странам Латинской, а затем и Северной Америки. Описывают его по-разному, но если вычленить наиболее частые описания, то у нас выходит существо примерно полутора метров ростом, чем-то напоминающее собаку, либо с голой кожей, либо покрытое светлой короткой шерстью. Вообще оно четвероногое, но, по утверждениям очевидцев, хорошо передвигается и на двух ногах. Умеет высоко прыгать, отчего его часто описывают похожим на кенгуру. Отсюда и мощный хвост, хотя я нашел несколько упоминаний, что хвост больше напоминает хвост рептилий, и существо якобы покрыто плотной чешуей.

– Монстр какой-то, – прокомментировал Дементьев.

– Нападает оно обычно по ночам, очевидцы описывают красные, светящиеся в темноте глаза. Чаще всего его жертвами становятся куры, гуси, кролики, козы. Крупные животные – редко.

– А собаки и кошки? – поинтересовалась Саша, вспомнив, что Аня упоминала их.

– Вот этого я не нашел, – признался Войтех. – Либо в Дубках какая-то особая чупакабра, которая от голода еще и не на такое способна, либо и не чупакабра вовсе. Многие отмечают, что она обладает неким гипнотическим воздействием: собаки, даже сторожевые, не подают голоса, когда она орудует в хозяйстве. Некоторые вообще забиваются в будки и не выходят.

– Ого! – Ваня откинулся на спинку стула и посмотрел на Сашу. – Тогда Айболита тоже требую к себе в группу. Только она у нас сможет противостоять гипнозу.

– Тебя главным еще никто не назначал, – напомнила Саша, хотя поехать на это расследование она уже страстно мечтала.

– Да тише вы, – шикнул на них Дементьев, – дайте послушать. Интересно же. – Он сложил руки на столе домиком и немигающим взглядом уставился на Войтеха, демонстрируя живейший интерес. – Продолжай.

Войтех только хмыкнул.

– Немало упоминаний о чупакабре я нашел и в России, так что если в Дубках на самом деле она, большой сенсацией это не станет. Первые упоминания появились в начале двухтысячных.

– Ага, когда Интернет стал доступным, и все прочитали про латиноамериканскую, – не удержалась Саша.

– Возможно, – не стал спорить Войтех. – Чаще всего она орудует в Челябинской, Оренбургской и Московской областях, а также в Башкирии. Все, как и в Америке: нападает по ночам, гипнотизируя собак, убивает мелких домашних животных, мясо не трогает, зато через небольшое отверстие в шее выпивает кровь.

– Так, может, это все-таки какой-нибудь местный вампир? – высказал предположение Ваня, держась одной рукой за стол и ловко балансируя на двух ножках стула под недовольным взглядом Анны. – Как-то на него больше похоже.

– Вампиры пьют человеческую кровь, это даже я знаю, – назидательно поднял палец Дементьев.

– С голодухи, знаешь ли, и не такое выпьешь.

– С этим нам и предстоит разобраться, – кивнул Войтех. – Отличия от обычных легенд и о чупакабре, и о вампирах есть. Кроме уже упомянутых убийств собак и кошек, есть еще кое-что. Обычно рассказывают, что чупакабра умеет открывать клетки с животными, отодвигать засовы. Но наша, по уверениям Горбушкина, умеет еще и сквозь стены проходить. Якобы помещения, где находились животные, были тщательно заперты, щели заделаны, а она все равно как-то забиралась внутрь.

– Ну вот, я ж говорю – вампир! – не удержался Ваня. – Они ж бесплотные, что им стоит сквозь стену пройти?

– Да ну, ерунда это, – возразил Дементьев. – Видел я эти деревенские сараи, там щель на щели и щелью погоняет.

– Разберемся с этим на месте, – успокоил обоих Войтех. – Пока у нас есть только слова местного старосты.

– А еще зверь этот мог подкоп сделать, – предположила Саша. – Сомневаюсь, что они курятники на фундаменте строят.

– Возможно, – снова согласился Войтех. – Горбушкин ничего такого не упоминал, но если животное достаточно умное, чтобы открывать клетки, возможно, оно додумывается закапывать за собой подкопы, поэтому и кажется, что их не было. Больше всего меня смущает, что его никто ни разу не видел. И даже не сочинил, что видел. Очень жаль, что у нас в группе нет грамотного зоолога, но сейчас уже поздно его искать. Надо будет подумать об этом после возвращения, а пока, если понадобится, поискать кого-то для консультации. Давайте сейчас решим, кто поедет. Ты само собой, – поспешил заверить он Ваню, поскольку тот мгновенно поставил стул на четыре ножки и выпрямился.

– Я тоже поеду, – вызвалась Саша. – Гипнотизировать, конечно, никакую «чупакабру» не собираюсь, но если она нападет на людей, врач будет не лишним. А Костя как раз займется закупкой оборудования.

– С удовольствием, – отозвался Долгов. – Я не большой любитель устраивать ночные засады во всяких медвежьих уголках.

Такой ответ никого не удивил. Константин Долгов не был снобом, но определенный комфорт любил. Он всегда ходил

на работу в дорогом костюме, раз в месяц посещал парикмахера – и, как любил позлословить Ваня, даже маникюрщицу – и предпочитал покупать мясо и вино в хорошем магазине. При необходимости он готов был этим пожертвовать, но если необходимость не была крайней, предпочитал работать в большом городе в чистой лаборатории, нежели ночевать в палатке и бегать по лесу с компасом.

– Вот и отлично, – подвел итог Войтех. – Тогда едем я, Саша и Иван. Соберем необходимые данные, а вы с Володей поищете зоолога для консультации.

– Однако, – внезапно отозвалась молчавшая всю увлекательнейшую лекцию о чупакабре Анна.

Войтех повернулся к ней, но никто из присутствующих не увидел на его лице удивления. Он явно знал, по какой причине Анна намерена возражать.

– Ты забыл, что у нас съемки через несколько дней?

– Я помню, – холодно сказал он, – но я тебе уже сказал: я не цирковая лошадь.

– А я, значит, цирковая? Дворжак, хочу тебе напомнить, что когда ты звал меня на место директора этой организации, ты обещал всяческое содействие. И где оно? Хочешь бросить меня на съедение пираньям, а сам свалить на поиски чупакабры?

Директор ИИН и старший менеджер вперили друг в друга острые как сталь и такие же холодные взгляды, не собираясь уступать, хотя каждый присутствующий понимал, что по-на-

стоящему они не поругаются. За три месяца работы разногласия у них возникали не раз, но всегда они приходили к общему решению.

– А можно подробнее? – притворно-робко попросила Саша, как будто боялась навлечь на себя начальственный гнев. Она вспомнила, что Лидия еще в обед говорила ей что-то про «цирковую лошадь», но она так и не выяснила смысл этой реплики у Войтеха.

– Можно, – кивнула Анна, продолжая сверлить взглядом Войтеха. – Нам предложили очередные съемки на ток-шоу, из разряда «от такого не отказываются». Передача посвящена людям необычных профессий, а потому, как ты понимаешь, Институт не мог не привлечь внимания. А Дворжак отказывается в этом участвовать, хочет бросить меня одну.

– Потому что тебя они собираются привлечь как директора организации, а меня не как старшего менеджера, а как экстрасенса, – едко добавил Войтех, тоже не глядя на Сашу.

– Так ты ж он и есть, – не понял его возмущения Ваня.

– Но я не собираюсь демонстрировать это широкой публике, рассказывать о прошлом человека по фотографии, угадывать, что находится за черной ширмой или выбивать слезы из зрителей подробностями чьей-нибудь личной трагедии.

– О, кто-то смотрел «Битву экстрасенсов», – хохотнул Дементьев. – Знает подробности испытаний.

– А ты, я вижу, тоже их знаешь, – не удержалась от смешка Саша.

– Ага, – не стал отпираться Дементьев. – Проходил у нас один из участников по делу об убийстве, вот я и решил глянуть. Это несколько лет назад было, я даже вас тогда еще не знал.

– Ну ладно, Войта, – голос Анны внезапно потеплел, – одни съемки, и поедешь в свои Дубки, если к тому моменту чупакабру еще не поймают. У меня есть кое-какие связи на этом телеканале, попробую договориться, чтобы ты был только старшим менеджером, и нигде не упоминалось, что ты еще и экстрасенс. Пожалуйста, не бросай меня одну.

Войтех мрачно посмотрел на Анну, на лице которой застыло умоляющее выражение, потом на ухмыляющегося Дементьева, скользнул взглядом по Ване и Саше и наконец вздохнул.

– Ладно. Но сразу после съемок я еду к ребятам.

– Спасибо, – благодарность Анны прозвучала действительно искренне. – Володя, ты поедешь вместо Войтеха, по крайней мере, пока не приедет он. Будешь за старшего, у тебя есть опыт руководства следственной группой.

Дементьев довольно кивнул, а Ваня ядовито прищурился, но спорить с решением Анны не стал. Это было удивительно, но бабник и ловелас Ваня Сидоров уже год так или иначе проявлял интерес к Анне, пока, правда, безответный. Не то чтобы он забросил всех подружек и преданно волочился за одной только юбкой, но даже такая длительная влюбленность в одну женщину уже была ему несвойственна. Анна пока все

его попытки поухаживать вежливо, но твердо отклоняла.

– Тогда собирайте все необходимое, я забронирую вам билеты на завтра, – подвел итог Войтех, так и не дождавшись возражений от Вани. – К сожалению, самолет до Перми только один, глубокой ночью. Оттуда придется добираться другим транспортом, деревня эта в глухом лесу, еще и за рекой.

– Не волнуйся, доберемся, – заверил его Дементьев.

– Может быть, пошлем с ними еще и Нину? – внезапно предложила Анна, чем заслужила удивленные взгляды.

– Кто такая Нина? – живо поинтересовался Ваня.

– Да есть одна, – Войтех даже поморщился, как будто одно только имя вызывало у него зубную боль. – Выпускница факультета журналистики. Страстно мечтает у нас работать.

– Завалила всю почту своим резюме, – добавила Анна. – Я ее номер уже в черный список внесла, так она теперь на ресепшен звонит. Пусть съездит один раз, поживет без телефона, Интернета, душа и с туалетом на улице, может, передумает у нас работать.

Войтех улыбнулся уголком губ.

– Пусть едет.

После окончания совещания все сотрудники потянулись к выходу, и только Войтех остался неторопливо собирать бумаги, с которыми сверялся, когда рассказывал собранные сведения. Движения его были неторопливыми, но при этом несколько дерганными, как будто он специально тянул время, немного волнуясь.

– Войта? – окликнула его Саша, когда они остались только вдвоем. – Все в порядке?

Он кивнул, не глядя на нее.

– Не нравится мне это.

– Съемки или расследование?

Войтех сложил в папку все бумаги и только тогда повернулся к ней.

– Последние несколько часов странное предчувствие. С тех пор как начал готовить это расследование, не отпускает ощущение, что нам не стоит туда ехать.

На самом деле у Войтеха было стойкое ощущение, что не стоит ехать кому-то одному, но кому именно, он определить не мог, а потому сказал обобщенное «нам».

Саша улыбнулась, подошла к нему и коснулась рукой его щеки, затем скользнула вверх, приглаживая чуть растрепанные волосы: ему пора было стричься.

– У тебя всегда такое ощущение, когда мы едем на расследования, не так ли? Уж в какие передряги мы попадали и всегда выпутывались. И в этот раз разберемся. А людям нужна помощь.

Он несколько долгих секунд разглядывал ее лицо, как будто хотел что-то найти на нем, а затем сделал еще одно признание, которое Сашу тоже не удивило:

– Мне не нравится, что ты едешь туда без меня.

– О, твое плохое предчувствие точно не относится ко мне, – с улыбкой заверила она. – Разве не ты говорил, что

твой дар со мной не работает?

Войтех покачал головой.

– Я могу касаться тебя без перчаток, не ловя ежесекундно видений, но это не значит, что мой дар не работает с тобой. У меня были видения с тобой раньше. Год назад в замке, помнишь? И с твоим кулоном я как-то разбирался, – он скользнул взглядом по металлическому медальону, висевшему на Сашиной груди.

Этот кулон Саше достался от ее прабабушки. Он защищал всех женщин в ее роду от Темного Ангела, которому они были обещаны. И хоть проклятие с Саши и всех ее потомков уже было снято, она продолжала носить его. Говорила, что привыкла к его тяжести за столько лет, а от привычек так просто не избавиться. Войтех подозревал, что она все еще немного боится снимать его, но не настаивал, давая ей время привыкнуть к тому, что она свободна. По крайней мере, она теперь не прятала его под одеждой, словно пыталась считать обычным украшением, и иногда даже оставляла на столике в спальне, если он не подходил под выбранный наряд. Но спала непременно с ним.

– И даже без видений я знаю тебя, – Войтех наконец заставил себя улыбнуться. – Кто будет держать тебя за шиворот, когда тебе захочется взглянуть на чупакабру поближе?

Саша рассмеялась, взяла в руки его ладонь и сжала пальцы.

– Я обещаю вести себя благоразумно. Ты же помнишь, что

в последнее время я старалась сдерживать подобные обещания?

Войтех кивнул. Саша действительно в последнее время уже не вела себя так сумасбродно, как в самом начале их знакомства. Тогда ему порой хотелось пристрелить ее или как минимум больше не звать с собой, но ни первого, ни второго он сделать не мог. Только расследования позволяли им видеться, а отказать себе в этой слабости у Войтеха не получалось.

– Если Дементьев мне на тебя пожалуется, честное слово, я сделаю тебя главной вместо Долгова.

– Какой подлый шантаж!

Глава 4

30 октября 2015 года
г. Санкт-Петербург

Нина Ковыршина, молодая особа двадцати трех лет, несколько месяцев назад с отличием окончившая университет, даже не подозревала о том, какую гадость задумали директор и старший менеджер Института исследований необъяснимого, куда она так стремилась попасть. Нина всегда считала себя девушкой особенной, не такой, как все, и всю жизнь стремилась выделяться из толпы. Никогда не смотрела фильмы и сериалы, которые обсуждали на переменах одноклассники, слушала музыку, которую не понимали друзья, хотя порой эта музыка ей и самой не нравилась, с пятнадцати лет стала сначала вегетарианкой, а потом и вовсе веганом, и считала себя защитницей природы: не носила ни изделия из кожи, ни тем более шубы. Пару раз даже участвовала в гринписовских пикетах и однажды ночевала из-за этого в обезьяннике.

Ее мечтой было прославиться. Нина довольно критически относилась к себе, понимала, что не обладает ни яркой красотой, ни идеальной фигурой, а потому стать какой-нибудь моделью ей не грозит. В детстве медведь потоптался по ее ушам и голосовым связкам, поэтому петь, танцевать и тем более играть на музыкальных инструментах она не умела.

В то время, как все ее одноклассники решали поступать кто на юриста, кто на программиста, Нина выбирала между театральным и журналистикой. На ее взгляд, это были два потенциальных способа выделиться и прославиться для такой, как она. Победила журналистика. Оканчивая университет, Нина уже подыскивала себе местечко потеплее и пооригинальнее, даже нашла парочку, куда ее соглашались взять на испытательный срок, как внезапно ей на глаза попалась небольшая заметка о свежеобразованном Институте исследований необъяснимого.

Вот это бомба, сразу решила Нина. Как раз набирают популярность видеоблоги на разные темы, и она сможет создать свой. Только рассказывать не про косметику и шмотки, таких блогеров нынче пруд пруди. Она непременно должна попасть в ИИН и стать эдаким доктором Ватсоном паранормального мира в современной России. И слава, и оригинально. Два зайца одним выстрелом.

Однако первый же звонок в ИИН разрушил ее мечты. Ее соединили с директором, которым по голосу казалась молодая женщина, но та твердо заявила, что в услугах журналиста они не нуждаются. Нина огорчилась ровно на два часа, а затем в ее голове родился план. Она даже посмотрела несколько серий «Секретных материалов» и еще какого-то сериала времен мамонтов и динозавров, название которого не запомнила, и пришла к выводу, что в расследовании аномальных явлений важную роль играл опрос свидетелей. Уж с этим-то

она справится! Интервью она всегда любила больше всего и, будучи болтушкой по характеру, умела разговорить любого человека. А уж там, попав в организацию, рано или поздно сумеет убедить их в необходимости собственного блога.

Сломать сопротивление Анны Замятиной, директора ИИН, оказалось не так-то просто, но, как любил говорить дед Нины, терпение и труд все перетрут. Нина каждый день напоминала о себе, и вот наконец ее позвали на собеседование, а оттуда – сразу в командировку. Это было невероятное счастье!

Нине велели ехать сразу в аэропорт и уже там ждать своих новых коллег. С ними она познакомилась еще утром. Замятина лично представила ее всем, назвав молодым дарованием, которое, возможно, поймает еще не один призрак. Новые коллеги почему-то скептически улыбались, но Нина была намерена доказать им, что они ошибаются на ее счет.

В Пулково она приехала раньше всех и уже ждала своих спутников неподалеку от стоек регистрации. Рейс на Пермь отправлялся в полночь, но даже в такой поздний час в аэропорту было много народу. Все вокруг суетились, волновались, и Нина волновалась вместе с ними. Ее даже слегка подташнивало от волнения. Это было ее первое задание. Главное, не осрамиться, поэтому чемодан она упаковывала особенно тщательно, стараясь взять вещи на все случаи жизни, чтобы выглядеть стильно и аккуратно в любой ситуации. От этого вещей получилось много, и чемодан едва закрылся.

Первым приехал высокий блондин Ваня, понравившийся Нине с первого взгляда. Он был хорош собой, улыбчив и весел. В отличие от второго спутника, явившегося следом. Мрачноватый мужчина лет сорока, велевший звать его Владимиром Петровичем, внушал Нине страх, а потому неприязнь. Он походил на университетского преподавателя, смотрел на нее строго и как будто заранее недолюбливал, хотя она не дала для этого ни единого повода! Была вежлива, учтива и давала понять, что готова учиться у мэтров поимки привидений.

– Вы с собой весь скарб прихватили? – мрачно поинтересовался он, окинув взглядом ее внушительный чемодан.

Нина мгновенно вспыхнула. Если он может поехать в далекую командировку в одних джинсах, то она все же женщина! И ничего лишнего, между прочим, с собой не взяла, только самое необходимое. Остальное сможет купить на месте.

– Отстань от девочки, Дементьев, – улыбнулся блондин Ваня, чем мгновенно заработал еще несколько баллов в Нининых глазах. – Все мы с чего-то начинали. Лилька в первый раз вообще каблуки напялила, хотя мы в тайгу ехали, не то что в деревню.

Нина мгновенно нахмурилась. Тот факт, что они едут в деревню, как-то не отложился в ее голове. Кажется, она забыла об этом в тот момент, когда Замятина смилостивилась. Нина пожалела, что не прихватила с собой флакончик геля для душа, понадеявшись купить на месте. В деревне, скорее

всего, ее любимого не будет, придется брать, какой дают. Наверняка с синтетическими отдушками и парабенами.

Последней явилась еще одна девушка, кажется, ее звали не то Сашей, не то Женей, какое-то гендерно неразличимое имя. Она была одета так же, как и мужчины: удобные ботинки, джинсы, немаркая куртка. Длинные кудрявые волосы темно-каштанового цвета закрутила в узел и завязала на затылке, на лице почти отсутствовали следы макияжа, хотя на ее месте Нина непременно красилась бы: черты лица у нее были довольно миловидные, но не слишком выразительные. Если бы не карие глаза в обрамлении длинных темных ресниц, и посмотреть было бы не на что. Ее сопровождал чех Войтех Дворжак, старший менеджер ИИН. Его Нина хорошо запомнила, потому что накануне, когда ее представляли коллегам, он единственный не улыбался и выглядел напряженным. А еще почему-то всегда носил перчатки, как будто боялся нахватать микробов. Он чем-то неуловимо был похож на Владимира Петровича, только ниже ростом и моложе. И даже когда не улыбался, все равно не выглядел таким мрачно-несговорчивым. Судя по тому, как брюнетка хваталась за его руку, они были парой.

– Доброй ночи! – поздоровался Войтех, подойдя к сотрудникам ИИН.

Те нестройно поздоровались в ответ.

– А что, другого самолета не было? – как всегда ворчливо спросил Дементьев. – Я уже не в том возрасте, чтобы ночами

летать.

Брюнетка весело рассмеялась.

– Другого не было, – кивнул Войтех. – Я говорил об этом еще на совещании. Но в аэропорту Перми вас встретят и отвезут на место, не волнуйся. Я обо всем договорился.

Он еще что-то рассказывал Дементьеву, но Нина не слушала. Брюнетка и Ваня тоже о чем-то болтали, смеясь и подначивая друг друга, и Нина внезапно почувствовала себя страшно одинокой. До такой степени, что захотелось развернуться и сбежать. В конце концов, никаких контрактов она пока не подписывала. Однако она тут же остановила себя: никогда она не пасовала перед трудностями, а это и не трудности вовсе, а так. Подумаешь, все ее коллеги немного старше нее, а один еще и не в меру ворчлив, справится как-нибудь.

– Имей в виду, Володя, за Сашу отвечаешь головой, – наконец сказал Войтех, заканчивая разговор.

– А ты мне не угрожай, – внезапно весело отозвался ворчун Владимир Петрович. – Бывшему следаку, знаешь ли, и не такие угрожали. Иммунитет у меня.

Попрощавшись со старшим менеджером, который, как выяснилось, с ними не летел, четверка сдала багаж, прошла досмотр и устроилась возле нужного гейта. Нина так волновалась накануне, что почти не спала прошлой ночью, а потому задремала прямо в кресле. Когда Саша разбудила девушку, на лицах ее новых коллег играли такие многозначи-

тельные ухмылки, что Нина поняла: они над ней потешались. Возможно, даже обидно. И она снова твердо решила, что уже через пару дней они изменят свое мнение и сами будут уговаривать ее работать в их Институте. А она тогда еще подумает!

В Перми их действительно ждали: высокий молодой мужчина в теплой светлой куртке стоял в полупустом зале ожидания и держал в руках неровно оторванный от какой-то коробки кусок картона, на котором фиолетовым фломастером было написано «Институт изучения неизвестных животных». Увидев это, Владимир Петрович бросил на пол сумку и всплеснул руками.

– Еще бы «Охотники за привидениями» написал, честное слово!

Этим он привлек внимание прибывших пассажиров гораздо больше, чем встречающий с табличкой. Нина видела, как Саша прикусила губу, чтобы не рассмеяться в голос, зато Ваня себя не сдерживал. Только она сама устало посмотрела на табличку и не выразила никаких эмоций. К концу полета ее не только тошнило, но и кружилась голова. По разговорам коллег Нина поняла, что Саша раньше работала в реанимации и могла спокойно не спать несколько суток подряд, Ваня увлекался экстремальными видами спорта, а потому тоже умел мобилизовать внутренние резервы при необходимости. Даже Владимир Петрович, бывший следователь, жаловавшийся Войтеху на возраст, выглядел бодро.

Поздоровавшись и познакомившись с встречающим их человеком, который оказался участковым в той местности, в том числе и в самих Дубках, куда они направлялись, сотрудники Института погрузили в старый, но большой внедорожник вещи и отправились к месту назначения.

Ехать пришлось довольно долго. Вскоре после Краснокамска Александр Александрович, как звали участкового, свернул с широкой трассы на узкую дорогу, которая шла в основном по лесу. Порой встречались деревни, и дорога непременно проходила через самый центр каждой. Чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем больше людей, встречающихся по дороге, непременно кивали водителю в знак приветствия. Участкового, которого исследователи сразу стали называть Сан Санычем, чтобы подчеркнуть его административную должность, но при этом учесть молодой возраст, знали здесь практически все. Еще теплое осеннее солнце пригревало настолько, что пришлось открыть окна. Снаружи сразу же донесся запах воды, значит, где-то рядом протекала Кама. Нине даже дышать стало легче, и она заметно повеселела.

Остальные тоже взбодрились, сонное оцепенение прошло, и они готовы были немного поговорить о деле. Дементьев еще в аэропорту занял переднее пассажирское место рядом с водителем, поэтому Ване пришлось ютиться на заднем сиденье вместе с девушками.

– Сан Саныч, а расскажи-ка нам, что ты сам думаешь по

поводу происходящего в Дубках, – предложил он.

Участковый поймал его взгляд в зеркале заднего вида, взъерошил светлые волосы и тяжело вздохнул.

– Да черт его знает, – признался он. – Местные искренне уверены, что у них завелась чупакабра. Я сам в это особо не верю, не видел и никогда не слышал, чтобы она тут водилась. А я в этих краях родился и вырос. Но тому, что происходит в Дубках, я объяснения найти не могу.

– А вы там были? Трупы животных видели? – поддержала беседу Нина, чем заслужила удивленный и немного насмешливый взгляд от Саши. Что такого она сказала?

– Само собой, – тоже как будто удивился Сан Саныч. – Я же участковый, я знаю все, что происходит на вверенной мне территории. И рассказы слышал, и сам мертвых животных осматривал. Страшное зрелище, скажу я вам. Заходишь в крольчатник, а там в клетках мертвые пушистики, кровь вокруг. Остальные жмутся по углам, как будто до сих пор в ужасе. Жутко становится, честно. А уж когда она на людей нападать начала, совсем страшно стало.

Саша и Ваня переглянулись, а Дементьев удивленно уставился на участкового.

– На людей? – чуть охрипшим голосом спросила Саша.

– Ну да, – кивнул участковый, а потом хлопнул себя по лбу. – Вы же еще не знаете! Это случилось уже после того, как Илью Пантелеевича с внуком к вам делегировали. На опушке леса нашли женщину. Она была умственно отсталой,

жила у младшей сестры и ее мужа в приживалках. Добрая очень, ее все любили. И то ли просто гуляла, то ли за грибами пошла, а к вечеру местная детвора ее заметила. Кровь вокруг, шея расцарапана. Сделали вскрытие – ну точно, крови в теле совсем мало!

– Шея расцарапана? – переспросила Саша. – Не как у животных?

– Не. В том-то и странность. Но крови в ней мало, так что тоже на чупакабру подумали. А еще раньше дед Антон помер, но тогда еще речи ни о какой чупакабре не шло, поэтому до смерти Нюши с этим и не связывали. Там, в Дубках, доктор живет, он сказал, что инсульт. Я тоже состава преступления не нашел, поэтому вскрытия и не делали. Но шея у него так же расцарапана была.

– Тела, конечно, уже похоронили? – скорее констатировала, чем спросила Саша.

– Ага, – кивнул Сан Саныч. – Деда Антона давно, и Нюшу накануне. Сестра ее и вскрытие делать не давала, говорила, нечего издеваться над мертвым телом, но тут уж ее не слушали. А вы же не полиция, ради вас задерживать похороны я права не имею. Но если хотите, я вам материалы вскрытия предоставлю.

– Буду благодарна.

Разговор и дальше крутился вокруг происходящего в Дубках, но ничего особенно интересного Сан Саныч рассказать больше не смог. Все чаще исследователи поглядывали в ок-

но, любуясь местными красотами. А любоваться было чем. На деревьях еще оставалась листва, в это время года уже полностью багряно-желтая, с редкими вкраплениями зеленого там, где попадались хвойные деревья. Дорога петляла то вверх, то вниз, проходя по холмам, иногда плавно переходящим в горы. Порой машина почти цепляла боковым зеркалом скалы, чтобы уже через несколько километров спуститься вниз и ехать практически по равнине.

Наконец к полудню они приехали в большой поселок, где находилась пожарная часть, на площадке которой их ждал небольшой вертолет.

– Мой тесть – начальник местного подразделения МЧС, – пояснил Сан Саныч, заглушив двигатель и выходя из машины. – Он вас на вертолете отвезет. Всяко быстрее будет, чем на лодке.

Увидев вертолет, Саша замерла на месте. В памяти мгновенно всплыли воспоминания о том, как ей самой пришлось поднимать в воздух огромную машину, а внизу, в лаборатории ЗАО «Прогрессивные технологии» оставался умирать Войтех. Тогда она не могла позволить себе плакать, потому что от нее зависело спасение людей, но после каждый раз при воспоминании об этом у нее вставал ком в горле. Казалось бы, чего теперь? Все ведь закончилось хорошо, она смогла поднять и посадить вертолет, Войтех смог самостоятельно выбраться. И все же мысль о том, что она бросила его там, до сих пор ядовитой занозой жила в сердце и мыслях.

– А другого способа добраться в деревню нет?

Ваня и Дементьев посмотрели на нее с тревогой, а Нина не поняла ее страха. Сама она высоты не боялась и не понимала, что такого страшного может быть в обычном вертолете.

– Есть, – кивнул Сан Саныч. – Еще километров десять до Бережного на машине, это ближайшее село к Дубкам, потом около двух километров пешком по берегу Камы к пристани. Там пару раз в неделю ходит паром. Дубки по другую сторону реки. Предыдущий паром был во вторник, следующий послезавтра.

Теперь испугалась и Нина, но вовсе не перспективы полета на вертолете. Судя по описанию, Дубки эти находились в той еще глуши. Она попыталась успокоить себя тем, что это еще вовсе не означает, будто бы там нет цивилизации, хотя внутренний голос настойчиво твердил именно это.

– А как же жители Дубков выезжают из деревни? – как можно спокойнее поинтересовалась она.

– Так у каждого лодка есть, – пожал плечами Аркадий Степанович. – На ней через Каму, а потом, как я и сказал, пешком по берегу до Бережного, а там уже два раза в день автобус ходит.

Исследователи переглянулись.

– Айболит, хочешь, я буду держать тебя за руку? – нарочито серьезным тоном предложил Ваня, скорчив такую сочувственную гримасу, что Саша не выдержала и улыбнулась.

– Уж обойдусь как-нибудь, но спасибо, – поблагодарила

она.

Однако сказать оказалось проще, чем сделать. Едва только загудели двигатели, начал свое движение винт, пока еще несильно шелестя лопастями, Саша почувствовала, как к горлу подкатывают слезы. Желание увидеть или хотя бы услышать голос Войтеха стало непреодолимым, и она вытащила телефон. Мобильного Интернета не оказалось, но покрытие сети было. Всего одно эсэмэс ему, одно ответное от него, и дышать стало немного легче.

И все равно во время полета Саша сидела, вжавшись в кресло и прикрыв глаза, лишь изредка включая экран телефона и перечитывая короткое сообщение. Она не стала надевать наушники, чтобы не слышать разговоры друзей, и не смотрела вниз. Шум вертолета заглушал собственные мысли, и так было проще дождаться конца полета.

– А что с Сашей? – решилась спросить Нина. Журналист она или кто?

Дементьев и Ваня снова переглянулись, а потом посмотрели на Сашу.

– Плохие воспоминания, – наконец коротко ответил Ваня, но развивать тему не стал, и Нина поняла, что лучше не настаивать. У нее еще наверняка будет время лучше узнать коллег и составить портрет каждого.

* * *

Их встречали, наверное, всей деревней. Импровизированная вертолетная площадка находилась на берегу Камы, чуть в стороне от домов, поскольку только здесь можно было приземлиться без риска задеть лопастями деревья. В десятке метров от берега, пригибаясь от ветра и придерживая шапки на головах, уже толпились местные. Несколько детишек порывались подбежать ближе, и матери держали их за шиворот. Больше всего Ваню поразили именно дети. С воздуха деревня не выглядела такой уж большой, а если учесть ее отдаленность от цивилизации, наличие детей и вовсе казалось странным.

– Чувствую себя долбаным спасителем, – заметил он, глядя в окошко вертолета, пока все еще ждали остановки лопастей, чтобы выйти наружу.

– Постараемся ими стать, – молодецки отозвался Дементьев.

Первым к ним подошел высокий, совершенно седой старик, представившийся Ильей Пантелеевичем. Тот самый, что приезжал с внуком в Санкт-Петербург. Ваня с ним не встречался, но Дворжак провел тщательный инструктаж перед поездкой.

– А что, Войтех Ладиславович не приехал? – уточнил Илья Пантелеевич как будто с обидой.

– Он пока занят, но как только освободится, сразу приедет, – заверил его Дементьев, пожимая уже морщинистую, но все еще мощную и сильную ладонь Ильи Пантелеевича. – Пока я за него, Владимир Петрович. Бывший следователь, опыт поиска убийц имею. Даже если он с шерстью и клыками, все равно разберемся, не таких ловили.

Местные рассмеялись, и Илья Пантелеевич тоже одобрительно кивнул. Потихоньку начали подходить и знакомиться все жители, предлагали помощь с вещами, от которой отказываться никто не стал. Одного оборудования они привезли две огромные коробки: видеокамеры, датчики движения, ноутбуки. Уже перед самой отправкой вещей в аэропорт Войтех даже раздобыл где-то – кажется, в зоопарке – несколько ружей со снотворным. Увидев это, Дементьев демонстративно проверил свой пистолет.

– А наш Дворжак полон сюрпризов, – заметил Ваня, когда процедура знакомства окончательно завершилась. – То мы его год Войтехом звали, потом выяснилось, что можно было Войтой и Тишкой…

– Тешкой, – поправила Саша. – И так можно только мне.

Ваня только хмыкнул. Тишка, Тешка – все одно кошачье имя какое-то.

– То он теперь уже и Ладиславович. Страшно представить, что дальше будет.

Развить тему ему не дали. Пришлось выгружать вещи из вертолета, прощаться с Аркадием Степановичем, пилотом, и

Сан Санычем и начинать расследование. Времени было еще достаточно, терять день не хотелось. Выспаться они и потом успеют.

Обедали в доме старосты, который предложил Ване с Дементьевым остановиться у него, а Сашу и Нину забрал к себе местный доктор, а заодно обсудили предстоящую работу. Было решено, что Нина, Саша и Дементьев займутся опросом жителей и осмотром «мест преступления», а Ваня установит видеонаблюдение. Если чупакабра приходит из леса и нападает на деревню, они должны это заснять. Очень часто камеры замечают то, что ускользает от человеческого глаза.

Мобильная связь в деревне тянула слабо, и перво-наперво необходимо было подключиться к спутниковому Интернету и настроить его раздачу, а также вывести трансляции с камер на ноутбуки, чтобы иметь возможность следить за происходящим в деревне онлайн. На это ушло довольно много времени, а потому, когда Ваня закончил и вышел на улицу, над деревней медленно расплывались ранние осенние сумерки. Небо с востока начало темнеть, но над рекой было еще довольно светло, хотя уже и клубился туман. Помогать в расстановке камер ему вызвались Сергей, почему-то представившийся сыном библиотекарши, как будто это имело значение, и еще один мужчина, примерно Ваниного возраста, Ярослав. Они уже ждали его у калитки, жуя сигареты и нетерпеливо поглядывая на дом.

– Много поставить до ночи не успеем, – почесал затылок

Ваня, глядя на колышащиеся верхушки деревьев: к вечеру похолодало, с реки потянуло запахом тины, и поднялся ветер.

– Тогда лучше начать оттуда, – предложил Ярослав, указав рукой на ближайшую опушку, которую отделял от дома Ильи Пантелеевича всего один двор. – Оно с леса приходит обычно.

Ваня согласно кивнул. Деревня оказалась еще меньше, чем выглядела с вертолета. Возможно, дело было в том, что многие дома здесь заброшены: кто-то из жильцов умер, кто-то уехал за реку. Хотя вопреки всем законам логики здесь жили и довольно молодые люди, а также слышались детские голоса и функционировала школа. В ней училось всего несколько детей, но возить их в другую деревню не было никакой возможности. За обедом староста рассказывал, что многие семьи здесь многодетные, и хоть старшие дети после школы уезжают учиться в ближайшие города, младшие еще остаются с родителями.

– Когда-то у нас деревня большая была, – рассказывал Илья Пантелеевич, щедро угощая гостей простой деревенской едой. – Магазин, школа, библиотека. Собирались даже мост через Каму строить, да не успели. Теперь выживаем, как можем.

Всего Ваня насчитал три улицы. Одна, самая длинная, тянулась вдоль реки, вторая начиналась примерно на середине первой и перпендикулярно ей шла к лесу. Третья, совсем

короткая, отходила от второй и располагалась практически параллельно первой, но уже почти на опушке густого леса, вплотную подходя к деревьям. На небольшой площади, образованной этими улицами, находились магазин, школа-библиотека и бывшее здание администрации села, теперь запертое и забитое досками.

По узкой улице вдоль леса выстроились пять домов, но обитаемыми из них были всего три, два давно пустовали. В первом жили пчеловод Степан со своей женой, но, по их уверениям, к ним чупакабра в последнее время не захаживал, хотя это было бы самым логичным: первые деревья начинались сразу за их забором. Сюда можно было проникнуть, даже не заходя в деревню. Этот момент показался Ване довольно странным. С чего вдруг животное – кем бы оно ни было – стало рисковать, а не пользоваться наиболее удобным вариантом?

– Ставьте так, чтобы дорогу захватывало, – посоветовал Сергей, оно обычно по дороге ходит.

– По дороге? – Ваня нахмурился. – Его же вроде бы никто не видел?

Сергей и Ярослав переглянулись.

– Саму чупакабру не видели, – наконец медленно, словно нехотя, признался Сергей. – Но оно всегда приходит с туманом.

– Ну, это еще не доказано, – возразил Ярослав. – Туманы в нашей местности – явление частое. Вот поглядите, – он

тронул Ваню за плечо, указывая в сторону реки, – и сейчас над водой клубится.

– Да, но тот туман приходит из леса, – не сдавался Сергей. – У меня и видео есть. Хотите посмотреть?

Ваня, безусловно, хотел. Сергей вытащил простенький телефон, еще кнопочный, с совсем маленьким экраном, на котором с трудом можно было что-то разглядеть. Изображение сильно дрожало, и Ваня с трудом смог различить деревенскую дорогу, по которой медленно полз белесый туман. Дело происходило ночью. Туман, подсвеченный желтыми фонарями, стелился по дороге, немного расползаясь к заборам, но во дворы, насколько можно было судить по записи, не заходил. Он казался довольно густым, но не поднимался высоко: граница его выглядела четкой и проходила где-то в метре от земли. Лишь один раз, словно живое существо, он поднялся выше, но тут же снова опустился вниз и рассыпался как бисер.

Ваня задумчиво почесал подбородок. Они едва успели приехать в деревню, а подробностей выяснялось все больше. И каждая новая деталь давала понять, что они имеют дело не с обычным животным, пока не известным науке. Если вообще с животным.

– Можно я потом скопирую себе запись? – попросил Ваня, возвращая телефон его владельцу. – Возможно, смогу вычленить что-нибудь интересное.

– Конечно. Еще следы есть.

– Следы я видел. Похожи на волчьи.

– Ага, – кивнул Сергей. – Хотя дядя Андрей и утверждает, что это точно не волк. А он охотник, звериные следы хорошо знает.

– И что, всегда после этого тумана трупы находят? – снова поинтересовался Ваня.

Его спутники переглянулись.

– Нет, не всегда, – ответил Сергей.

– Как будто иногда оно в разведку приходит, – добавил Ярослав.

Прикрепив камеру к забору Степана таким образом, чтобы она снимала и лес, и дорогу, Ваня с помощниками отправился дальше. Дом через дорогу принадлежал пожилой супружеской паре, у которых неизвестное животное – Ваня уже не рисковал утверждать, что это точно чупакабра – убило нескольких куриц и молодого ягненка. Они тоже рассказали о странном тумане и посоветовали крепить камеру надежнее. На закономерный вопрос: «Зачем?» – ответили, что вместе с туманом иногда поднимается сильный ветер.

– У нас несколько штакетин из забора выломало, – сообщил хозяин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.